

Анатолий ПИНЧУК,

Виктор САКК (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

Квант — наименьшее количество, частица. «Кванта» — студенческий строительный отряд, один из тридцати харьковских отрядов, которые летом нынешнего года работали на трассе Тюмень — Сургут. Студенты укладывали железнодорожное полотно, строили школу, столовую, поликлинику. «Квант» участвовал в сооружении моста через Юганскую Обь — протоку Оби. Работали ребята горло и споро, стараясь ни в чем не уступать опытным строителям.

Мне у «Кванта» понравилось все: «Уголок по технике безопасности» — о том, чего и почему нельзя делать, рассказывают не скучные плакаты, а симпатичные юмористические рисунки Гены Широкова; и мандрунт «Кванта» — Ой-Болит!». Приложение к «Уголку по технике безопасности» — хорoshi; и изолятор «Сон — лучшее лекарство» — тоже очень понравился, особенно тем, что пустовал все дни. И я решил: чем самому рассказывать о «Кванте», лучше пусть сам расскажет о себе.

Мною были опрошены 16 студентов радиотехнического факультета Харьковского авиационного института, 1 повар столовой ХАИ, 1 студентка политехнического института, 1 студент медицинского института и 4 бывших студента (1 инженер-экономист, 1 старший инженер проблемной лаборатории ХАИ, 1 учитель физвоспитания средней школы, 1 кандидат технических наук из Института радиотехники и электроники АН УССР). Впрочем, здесь не было студентов — ни бывших, ни нынешних. Вот уже в течение месяца все 23 опрошенных (из 65) — бойцы, командир, комиссар, врач, завхоз отряда «Квант».

Возраст: от 19 до 23 лет — 17 человек, до 30 — 4, свыше 30 — 2.
10 — впервые в ССО, 8 приехали во второй раз, 3 — в третий, 1 — в четвертый и 1 — в пятый раз.

«Для чего нужны ССО?» Получив ответы на свой первый вопрос, я пришел к выводу, что:

«Квант» умеет обобщать («Студенческие строительные отряды помогают стране на том участке, где эта помощь более всего нужна: летят характер человека, учит его жизни, готовят к будущему» — Владимир Никитин, командир «Кванта», 21 год).

«Квант» умеет конкретизировать («Студенческие отряды Украины немало сделали для подшефной Тюмени» — Ангелия Опивалова, повараха, 26 лет).

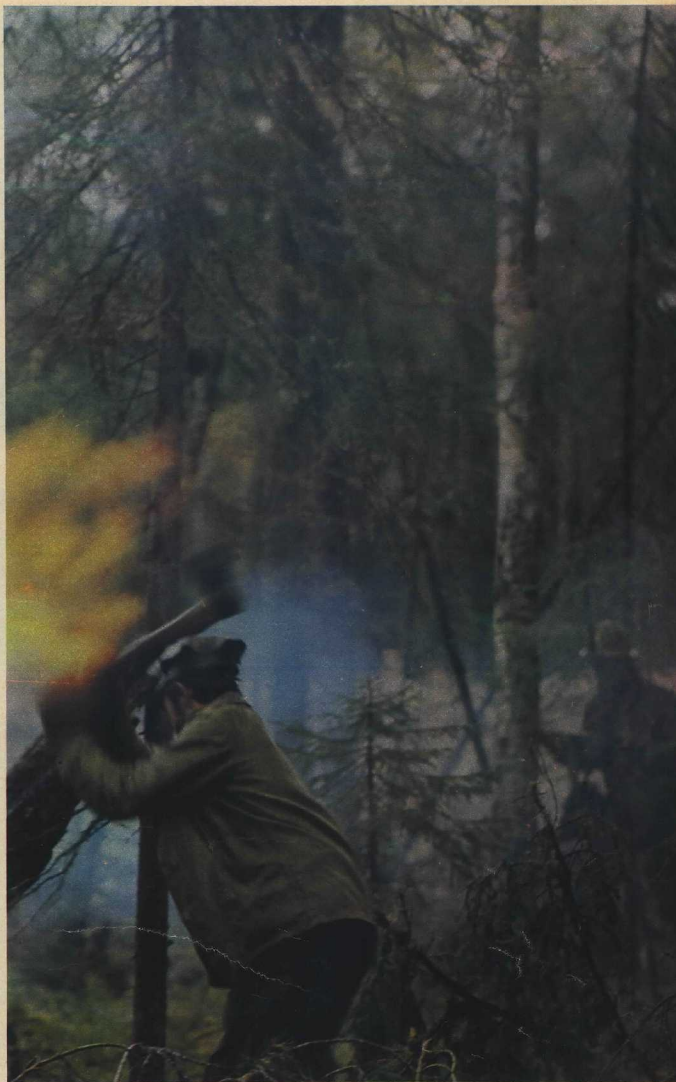
«Квант» умеет говорить лаконично («Стране — помощь, студенту — школа жизни» — Геннадий Шерков, боец, 20 лет).

«Кванту» не чужда поэтика («Первое трудовое поле у косяки из двести студентов» — Георгий Корков, боец, 25 лет).

«Квант» не прочь пофилософствовать («Студент познат себя» — Николай Степаненко, комиссар «Кванта», 23 года; «Человеку полезно время

ДВЕ ТАЕЖНЫЕ ДОРОГИ: ЛЕЖНЕВАЯ И РЕЛЬСОВАЯ.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР БЫЛ БЫСТРО ПОТУШЕН СТУДЕНТАМИ.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 20 (1066)

ОКТАБРЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА
украинские студенты в Тую
женской тайге.

Фото Виктора САККА

РАБОТА

БЛАГОДУШЕШАЯ
БЛАГОДАРНЕЙШАЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ФЕЛИСАТА ВАСИЛЬБЕНА.
РАССКАЗ О ПЕРВОЙ В МИРЕ
ЖЕНЩИНЕ-ГОРНОМ**

**КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ:
КОМАНДОРЫ**

**РЕПОРТАЖ
ИЗ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ ЛАОСА**

**СИЛУЭТЫ:
ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашиш, Г. П. Енисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромодановский, Е. И. Рябчин, Г. В. Семенов, С. Ф. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашьян Технический редактор Н. И. Будкина

от времени переключаться с умственной работы на физическую — Геннадий Алдабаев, боец, 19 лет; «ССО приносит чувство удовлетворения: ты занят не абстрактным трудом, ты знаешь, уверен, что твой конкретный труд нужен людям» — Александр Курлюк, врач, 23 года).

«Кванта знает цену деньгам («ССО — это еще и материальный стимул» — Людмила Борисова, повариха, 22 года; «Материальная поддержка студенту — это ведь тоже очень важно — уже знакомый вам Геннадий Алдабаев).

«Кванта знает цену себе (без нас здесь было бы очень трудно» — Валерий Гагауза, боец, 20 лет). Только не считайте «Квантов» жидкими. В 1970 году «Кванта» вернулся в Харьков, ходил в институт и в течение трех месяцев одновременно, так сказать, без отрыва от учебы, работал в Тюменской тайге. Был, наверное, уже догадался, что за два месяца «Кванта» выполнил пятимесячный план.

«Кванта» — это 65 человек, сплоченных воюющих и плевок. И нас, чтобы они еще и работали четко: освобожденных — художников у нас нет.

«ЧТо Ну, это только главный командир о трудностях не предрекает, а предупреждает. Вот у нас Пашков с Мариной Мариенко нам помогло. Я ее с первого курса знаю: она нас в институтской столовой работала. И кашеварит на славу, и я команданте денег получаю финансовых отчет.

Потом надо раздобыть художника, фотографа, хлопца, у которого есть магнитофон и пленки. И нас, чтобы они еще и работали четко: освобожденных — художников у нас нет.

«ЧТо Ну, это только главный командир о трудностях не предрекает, а предупреждает. Вот у нас Пашков с Мариной Мариенко нам помогло. Я ее с первого курса знаю: она нас в институтской столовой работала. И кашеварит на славу, и я команданте денег получаю финансовых отчет.

«ЧТо Ну, это только главный командир о трудностях не предрекает, а предупреждает. Вот у нас Пашков с Мариной Мариенко нам помогло. Я ее с первого курса знаю: она нас в институтской столовой работала. И кашеварит на славу, и я команданте денег получаю финансовых отчет.

«ЧТо Ну, это только главный командир о трудностях не предрекает, а предупреждает. Вот у нас Пашков с Мариной Мариенко нам помогло. Я ее с первого курса знаю: она нас в институтской столовой работала. И кашеварит на славу, и я команданте денег получаю финансовых отчет.

8

У БУККИНИСТА.
Рассказ Рустема КУТУЯ.

12

ДИАЛОГ
С КАМЧАТСКИМ
ОХОТНИКОМ.

14

Михаил БРИМАН:
О ТАЛАНТЕ
УСТРОИТЕЛИ ЖИЗНИ.

17

САМОЛЕТ ВРЕЗАЕТСЯ
В ЗЕМЛЮ.
Репортаж со съёмочной
площадки фильма
«Пилот первого класса».

ПЕРЕД НОВЫМ ЗАДАНИЕМ.

«Прораб мостостроителей, которые работают рядом с «Квантами», называет его Владимиром. Ефимовичем. К «Ефимовичу» Никитин еще не привык, в отряде все своего командира Володи называют. Да и как вы привыкнете называть его, если ему только здесь — на Юганской Оби — исполнился 21 год?

Но, в общем-то, и прораб по своему прав. Можно и в 40 лет нефтяный мальчишкой оставаться, а можно и в 21 вполне самостоятельным человеком быть.

Удивительное дело: смотришь на него — на высокого, по-юношески худощавого — ему и 21 не дано, но слушаешь Володю — и кажется, что ему уже много за тридцать, что он на своем веку много пережил и испытал. И только словечки — «пахать» вместо «работать», «по уму» вместо «с умом», «меток» вместо «кхорошо», которыми пересыплет он свою речь, позволяют думать, что имевший ты дело со студентом.

— Вы уже знаете, — говорит Володя — нас в «Кванте» 65 бойцов. 13 мест сразу отбрали — для аспирантов и преподавателей. На оставшихся 52 места 140 желающих. Если по уму, то ты к ним должен приспосабливаться и знать не еще задолго до того, как тебя официально командиром назначили. Замешкаешься — нужных людей у тебя из-под носа

«От того, какой в отряде командир — толковый и знающий или нет, — больше, чем тогда же зависит. Неподалеку от «Кванта» работали два лесных отряда. Количество бойцов одинаковое, просеки рубили в одних и тех же условиях, но один-два деланых, но у одного показале чуть ли не в два раза выше, чем у другого. Что же до «Кванта», то он один из тех отрядов, у которых с фронтом работ все было в порядке. К тому была причина: задолго до прибытия отряда на Юганскую Оби Никитин два раза — в апреле и июне — приезжал сюда в командировку: договаривался, проверял, контролировал.

Нет, несколько не удивлен я, что Валентин Федорович Солонин, начальник мостостроительного отряда № 15, уговаривал Никитина:

— Бросай на ты свое звание, приезжай сюда — будешь прорабом. На первых порах — прорабом...

У 23 квантовцев, беседуя с ними с глазу на глаз, я попросил аттестовать их работу, оценить, в частности, на вопрос, не мешают ли ему командовать, а не подчиняться молодости Никитина. 22 представили ему высокие оценки и сказали, что возмраст не помеха. 23-й тоже сказал, что молодость не беда («Надо уметь поставить себя с самого начала...»), но в остальном обошелся без восклицаний.

ТАЕЖНЫЙ СТУДГОРОЛОК.

СВЕРКА С ЧЕРТЕЖОМ.

тельных знаков («Не хватает технических знаний в мостостроении»). Этим 23-м был Никитин.

Мне кажется, что Никитину повезло. Если бы не студенческие строительные отряды, он — пусть ему и впрямь на роду написано быть администратором, — до сих пор не знал бы, на что способен и в чем преуспевает. Знаю, что в первой своей поездке он был бойцом, я у него спросил:

— Что труднее, Володя, подниматься или командовать?

— Подниматься или руководить! — как бы невзначай поправил он меня. — Руководить труднее, гораздо труднее: к каждому нужен особый подход и вместе с тем надо быть со всеми одинаковым. Нет, руководить гораздо труднее, но работа эта интересная. Я первый раз повел в отряд из-за романтики, а второй, третий и четвертый, потому что интересно работать с людьми, интересно руководить ими.

Известно, что в прошлой пятилетке отряды ВССО освоили капитальных вложений на 1 миллиард 649 миллионов рублей. На 1971 год планировалось освоить объем работ в 600 миллионов рублей. Эта рекордная для ВССО цифра в ходе реализации плана была значительно перевыполнена. За счет чего? На примере «Кавнта» убеждаешься, что принципы равной ответственности, принцип коммуны, где и оплата труда равная, помогли ребятам.

И хотя в любом отряде — и «Кавнта» не исключение — есть те, у кого работа проще, есть те, кто работает лучше, и те, кто работает хуже, все 23 опрошенных проголосовали за коммуну.

9 из 23 свое решение не мотивировали: «Правильно», «Хорошо», «Так и должно быть», «Отлично».

А вот ответы, содержащие «что-то что», «для того чтобы», «Просто необходимо»: слабый всегда тянется за сильным» (Ангелия Опивалова),

«Вырабатывается чувство долга» (Геннадий Шарков), «Необходимость: нет борьбы за выгодную работу» (Евгений Дедун), «Объективно и справедливо: человек не виноват, что ему досталась такая работа, а не другая» (Юрий Жерлицын), «Подстегивает отставности, повышает чувство ответственности» (Валерий Гагуза).

Меня заинтересовало следующее: как много в отряде тех, кто вырабатывает меньше нормы? Если есть, то кто это — те, кто не хочет работать, или те, кто хочет, но не умеет (физически не может)? Как следует поступить с первыми и со вторыми? «Я в отрядах четвертый раз и могу сказать, что и тех, и других очень мало — обычно меньше десяти процентов. Из них больше тех, кто хочет, но не может. Таких мы учим: обычно ставим в напарники и четко работающему. Биланов справляем дома» (Владимир Никитин), «Лентяев нет, неумевших мало: их надо поддерживать, научить» (Анатолій Шеллер,

боец, 22 года). «Таких мало. Неужелющего не следует наказывать. Вот у нас в прошлом году был случай: парень один сломался — ему всем отрядом помогли — незаметно, тактично (Людмила Борисова), «Филон» нет: они в процессе работы меняются» (Григорий Ходячкин, боец, 20 лет). «Знаются сиюминут. Я на первых порах не танул — теперь будет бы ничего, получается, говорят» (Евгений Дедун, боец, 20 лет).

***

В суровых условиях тюменских бо-лот ребята из харьковских стройотрядов стали лежневки и насыпали грунт для укладки рельсов, становилась каменистыми и шугутрами, и не было в отрядах уныния, а была деловитость, сдобренная острой шуткой, были задушевные песни и снова — работа...

«Если отряд без меня едет, я сама не своя...» (Анеля Опивалова, пионерка).

ЗАДУШЕВНЫЕ ДИАЛОГИ И ТА-НЕЦ ПРИ ВЕЧЕРНЕМ КОСТРЕ, ПРАЗДНИК СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ И ШУТЛИВЫЙ ЭКСПРОМТ — ВО ВСЕМ ЭТОМ, КАК И В РАБОТЕ, ТОЖЕ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ХАРАКТЕР СТУДЕНТА-СТРОИТЕ-ЛЯ.

«Материальная сторона дела очень важна, но имело значение не только это: я родился на юге, служил на Бе-вере, хотел увидеть Сибирь» (Георгий Коржов, боец).

«Интересно побывать там, где уже и работал, и увидеть, что сдела-но твоими руками. Я и еще несколько ребят в прошлом году были в Сургу-те на строительстве. Так мы сейчас прияттели, как дети малые бегали» (Василий Мороз, боец).

«Хоть я служил в армии, а до при-езда работая на заводе, только здесь по-настоящему узнал, что такое жизнь» (Анатолий Швейлер, боец).

«В прошлом году — потому что рас-сказывала много интересного, сей-час — потому что все оправдалось и уже не могу не ехать. Здесь я по-чувствовала себя человеком» (Люда Борисова).

Так ответил мне «Кавит» из Харько-ва на последний вопрос.

На вопрос «Почему подался ты на Югскую Обя?»

Вячеслав ЛЕВЫКИН

Родина учителя

Лихославль. Старинный городок. В центре деревянные домашки. Палисадники, потом дворы, дворники. А над каждой крышею дымок.

Да, конечно, Лихославль не старинный. Есть в Росии старые города. Но прозеим вид его устоял. Говорит про долгие года.

Что еще не рухнуло — на спом! У строителей размах не малый. На окраине высотные кварталы. Встали, как индустрии заслон.

Пусть помянут город Лихославль. Все же город, все же не деревня. И качается с ведром журавль. Словно кран подъемный, у деревьес.

Но прошу, проезжий гражданин, Из вагона выди город этот, Поклонись ему, как верный сын Родине великого поэта.

Рисовать учителя портрет Я боялся, думал, что не выидет. Рисовал излюбленный предмет. То, что глаз опытный увидит:

Улицы, бульвары, пустыри, Сад чужой, чугунику ограду, Светят голубые фонари. Вдоль особняка с крутым фасадом.

Но теперь понато и без слов, Что на чистый лист переносил я Столь предудреждающую силу. Всех его прекрещенных стихов.

Вслед за мной а отшумевший день Выку пройденным в тиште, в обломках, На которые упала тень, Ей крошиться, как сосулье, помло.

Время шло, я, какется, достиг Мастерства. Нарисовать сумею То, к чему всеи сердцем я приник, То, что я в душе всею лелею.

Вокзальная платформа

Фонарь бросает конус желтизны На плоскость оживленного перрона, А ночь еще боится новизны И прячется в потемках у вагонов.

Но вот заиграле в вагонах ночники. И слабый свет прорезал завески. Взгляд за спиною... Я обернулся И различил приветствие руки.

Я так и знал: меня найдет она. С меня довольно, я хочу уехать! Проводники столпились у окна — Как раздражают эти вспыхивае смех!

Что ей сказать? Солгать! Тогда прости, Забудет все, как забывают дети.

Осенние дачи

Все луки подернуты листьями, Грешит листвовае желеево. Собака с повадками лисьими Листовы шуршит у насееа.

С террасы вращенной лестницы, Залопнее углы и пустоты, Из яблон и окроев летится Дурманящий запах и топот.

В мансарде гардина отвисшая, Ночам становится заблю, Сивозь дождь под железными крышам

Темнеет кирпичная кладка.

Пора! Уезжают за кошелками, Дом полои оставленных яблон, А дождь, развирнувшись над елками, Слетка накрывает их надох.

И люди, достая расписание, Собирают обманчивость формы, Воскроение свой гнет ожиданием На мокрой бетонной платформе.

Растаявший каток

Весной вокруг светло и грустно. Струится талая вода, В снегу пролилдывала русло У Патриаршего пруда.

В порыве ветра капли с веток Летят за теплым аэроплин, Как отпыляющая комета, Водой затоплен снеговик.

А после на стволах деревьях Остаются чуть влажные следы, Их как разбросанные перья, Плывут бумажки от конфет.

Мальчишки лезут на ограду. А за оградой кутерьма! И только лапачики нарядно Напомняют, где зима...

Но тише шло, ой женский стид твердит, Что рабеление всегда раздето. Ей стало стыдно, что она пришла. Как идет мгновенья, что поиду

настречу. Но тень тиранства на меня нашла, Я отворился и просто не замечу.

Как жмет мне спину этот милый взгляд!

Еще секунда, и она окликает. Я обернулся... Шла она назад, Газет обрывки на киоск налипши.

Быстрой дегонять! К чему таяла власть! К чему не пасть пред нею на колени! Вагона влдоголуну... В ночную тишь Проводники сигналият отправленье.

Софья ОРЛОВА

Бумажка, как начать рассказ об Иосифе Хазарзаре, как расплести на бумаге услышанное от него и о нем, и искать как-то место, металл, но такую, в которой отразился бы на миг его характер. И тут я вспомнила о доске показателей возле главной двери Кутянского автомобильного завода. Едва шагнешь мимо зеленой вертушки проходной, мимо вахтера, доска эта — здесь, по левую руку. Цифры — каждая на отдельной табличке. Приходишь к заводу, идешь к управлению, одну табличку вынимаешь, другую вставляешь. Но таблички все держатся, цифры не разбегутся. Каждый день мучу тысячу людей, чертыхаюсь по поводу такой безаппаратности.

Не выдержал только один — наладчик Иосиф Хазарзаре. Ему, Герою Социалистического Труда, члену ЦК Компартии Грузии, члену парткома завода, члену бюро комсомола, члену бюро профкома, одну табличку вынимает, другую вставляет. Но сколько же может быть бумагу, карандаш — придумка, как эту зловещую доску заменить электрическим табло.

Это самое неинтересное из всех рационализаторских предложений. С технической точки зрения. Но не с человеческой. Что долго говорить о самых серьезных предложениях Хазарзара, подтверждающих наш идеал — талант Хазарзара — заслуженный рационализатор Грузии, этим все и сказано. А вот эпизод с доской... Здесь уж не в уме, не в таланте дело, а в характере.

Что бы ни придумал изобретатель, все больше страшный брат его — рационализатор, все ищущий на пользу. Но иной в муках бьется над важной для всех машиной и не замечает, что стоа у него на одну ногу зрелее, тогда гадает завистливо: А Хазарзаре? Он так не боится. О чем думает он иногда, сидя в заводской столовой и вглядываясь в соблазнительную харю? Думает он примерно вот о чем: «Ну и грязь на полу. Со всех ходов потащили. Бедная уборщица, как ей надо вымыть пол? Или что здесь в воздухе пахнет? Или почему так горячая вода, подкачивает жалко...»

Хазарзаре — рационализатор равноосторожного халата, чутко реагирующий на шероховатости окружающего мира. И то, что здесь в воздухе пахнет жаром словом «равноосторожность», для него не больше чем дивная, утешившаяся привычка не уходить мыслями от этих шероховатостей.

Наивное, страстное изобретательство и должна сочетаться с такой вот хозяйственностью. С желанием, чтобы все вокруг было удобно и лично, ничто не раздражало и не мешало сосредоточиться на самом главном.

Умение выдумывать и творческая практичность превосходно уживаются в Хазарзаре. Последнее не позволяет ему варить в облаках, а заставляет обдумывать, чтобы его идея, если он твердо уверен в

их ценности, осуществилась не послезавтра, если не завтра, а сегодня.

Хазарзаре готов бороться не только за свои предложения, но за всякую стоющую идею товарища. А творческие идеи вокруг него. И Иосифу пришла в голову перспективная, как потом выяснилось, мысль: а почему, собственно, рационализаторы не имеют права на разработку и внедрение своей идеи в одиночку?

Иосиф предложил создать комплексную рационализаторскую бригаду, в которой люди разных специальностей помогали друг другу осуществлять всякие технические новшества. Угнетался ли за ними рационализатор-одиночке? Эта бригада одной из первых в стране блестяще завершила плановую задачу. Взяв за XXIV съезду КПСС и 40-летие Советской Грузии обязательства — разработать 100 рационализаторских предложений и скопить материалов на сумму 50—60 тысяч рублей — коллектив этот выполнил намного раньше.

Заулавывая над этим Хазарзаре или нет, но его предложение имело столь же прямое отношение к технике, как и к человеческой натуре. Бригада рационализаторов — это означало ломку не только организационную, но и психологическую. Вынести свою идею, не оформившуюся еще окончательно, не подкрепленную расчетами, на суд посторонних! А вдруг сочтут, что работа в бригаде неведет к обесцелению? Время, потраченное на разработку идеи, бригаде все равно человек, тот, кто этот предложение. Остальные помогли довести его до дела. Сиротливый фугура изобретателя-одиночки с чертешками под мышкой и прочтением вступок, выходящий с восторженным Хазарзаре исчезла из заводской жизни. И от этого выиграли и люди и завод.

«Почти все мы формируемся в детстве. Уж это так, человек становится стесненным или самоуниженным (разве только в дальнейшем произойдет ли-либо, способное изменить всю жизнь). И все же, помимо способностей, заложенных в нас природой, человек способен изменить себя, благодаря которым эти способности могли бы раскрыться».

...Тетка подарила десятилетнему Иосифу велосипед. В те годы в Кутанси это была самая что ни на есть роскошь. Иосиф стесненно вывел велосипед на раскаленный кутянский двор и торжественно проехал мимо одинаковых домов, крытых красной черепицей. Когда он вернулся, его استقبالю друзья с молчаливым глумлением.

Если разрешит покатайся Гиви, размышляла, глядя на них, Иосиф, то как не разрешит Джемали! А если сядет на велосипед Джемали, покажется Гурани! Он был малюк, но велосипед по практической смете подскочил, велосипед не вечны, а если каждый день на велосипед будут кататься он сам, потом Гиви, потом Джемали, потом Гурани... Бог ты мой! Я покря-

шек в Кутанси не достать — ведь только что кончилась война. Что делать? Иосиф не колебался. Жадничать — это не для него. Надо думать, и он придумал. Коры канатоходов и акробата прочее, любые резны, кроме того, она эластична. Идеи! У велосипедов будут вечные покрывши из капитанового дерева.

Тут думает над Иосиф вначале выход из, казалось бы, безвыходного положения, и это было его первым предложением. (А неслучайно Хазарзаре оформил предложение. И я искирко не удавилась, когда Ракам Мачитидзе, начальник отдела главного металлурга и член бригады Хазарзара, выразился о нем так: «Из любого положения выйдешь найдешь»). (Кстати, отношения у Хазарзара и Мачитидзе не лишены комичности. По должности Мачитидзе выше, но в бригаде он подчиненный Хазарзаре. И при всей вымученности грузинского характера между ними никаких конфликтов. «Позвонит мне Хазарзаре вот по этому телефону», — Мачитидзе показывает на телефон, — отдайду тебе два, ну, Почему не пойти?)

Мачитидзе, разумеется, не знал истории с велосипедом, а сказано это было вот по какому поводу. Я допытывалась у него, почему бригадой рационализаторов стал именно Хазарзаре. Ну, пожалуй удачно было. Однако хорошие идеи не так уж мало. Что, Хазарзаре способен другим? Своих друзей завод предостаточно. Сам Ракам Мачитидзе, например, бригады рационализаторов Грузии. Так что же? Здесь Мачитидзе и произнес те самые слова об умениях выйти вперед.

И я представляю, что это могло значить в той ситуации, в какой Хазарзаре задал о бригаде. Высказал он свою идею. Пошла сомнени. Не потому, что кругом консерваторы, а потому, что завод не десятилетия высчитали, и эксперименты здесь стоят денег, а если с бригадой ничего не получится? Кто тогда вперед будет? Хазарзаре! Он это прекрасно понимал. И тем не менее вперед. И если гадать-то что не клеилось, бросил, тогда все свое упрямство и упорство в предостережение, слово, и червячки он, конечно, и может, даже откачался, только об этом никто не имел права знать. А когда все получилось, в него поверили. И возгорались — Хазарзаре все может, он-де найдает выход из любого положения. А прорасчетливо замком Огаре Алавадзе определял это иначе: «Настырный парень этот Хазарзаре!»

На заводе это его качество охотно используют. Парток поручил ему однажды спланировать участок руды в механосборочном цехе № 1. Приехал он туда. «Что случилось, ребята, почему отстаете? «Робота» загадали, остбтете, отстаите!» А за дело работать? И пошла вывалить претензии, как горю из мешка. У одного заргало несправедливо низкая, другому жуть негде... Претензии несуточны. Но Хазарзаре не отмахнулся от них и не призвал работать на голом энтузиазме.

Г. Томси

И. КОЧУБИЯ, инженер-экономист

«Примыкающий гражданин»

«СМЕНА» № 17, 1969 г.

С опозданием откликнулся на вашу статью. Если бы не случай, возможно, не вспомнил бы об этой статье и не написал вам. Случай, казалось бы, незначительный. При чтении со знакомыми мне удалось выяснить, что один наш по воскресеньям посещает церковь, а что мы ourselves собираемся церемонно венчания. Нельзя сказать, чтобы они были сильно верующими, но ходит туда так раз в неделю, ставя Оби. И что, что здесь в основном автор, мы только отнеси к «примыкающим гражданам». Этот разговор мне заставил задуматься над вопросом: почему молодые люди идут в церковь? С этой статьей сразу согласился и автор, и я. Помогает ему продолжить исследование эти вопросы, а редакции — не ограничиться опубликованием статей и рецензий, а замечать, по какому материалам. Проблема «примыкающих граждан», «неверующих верующих», как автор их называет, волнует много.

Вопрос этот, как мне кажется, что Диас Валеев действовал ими исходя из абстрактной формулы отставания сознания от бытия. Автор подробно рас-

сказал психологию «неверующих верующих», но не привнес в анализ специфически религиозные или психологические методы воздействия на людей, а лишь динамику.

Мы часто ругаем верующих, но не учитываем психологический мир человека, моменты восприятия им себя и своих действий, его индивидуальность, особенности влияния религии на эмоционально-интеллектуальную сферу, а также религиозный опыт психологической обработки масс, особенно на протяжении исповедания, а также вышедших на протяжении ряда десятилетий. Церковь умеет «оформить» любой процесс — богослужение, венчание, крещение и т. п. — принять им таинственность, торжественность, красоту, то есть, образ жизни.

Эту сторону нам надо исследовать. Вспомогательные методы работы с верующими должны быть ими приняты практической работы. Согласен. Но одной из особенностей идеологии здесь недостаточна.

Надо шире использовать народные, национально-педагогические методы воспитания ребенка и т. д. Надо, чтобы Дворец бракосочетания был действительно Дворцом Счастья. Это должно быть красочное здание, как внешне, так и внутренне, со всевозможными рекреациями, развлечениями и т. д. Не только служащие Дворца, но видные люди города — ученые, советские и партийные работники.

Тогда туда пойдут не только бракосочетаться, но и полюбоваться свадьбой.

Г. Томси

И. КОЧУБИЯ, инженер-экономист

Я встречался с молодым человеком. Мы очень любим друг друга, но его мать не разрешает нам быть вместе. Когда я решил, что мне пора пойти, радости нашей не было предела, мы были очень счастливы. Однако его мать плохо и гадание, чтобы узнать, где будет наш будущий друг. И я уверен, и в тот вторник решила нашу судьбу: карты показали, что мне надо жениться. Мать была категорически решила, что мы не должны соединять наши судьбы, иначе она отстанет от нас. Я решил жениться, но мать не разрешила. Но мне не страшно ничего: ни отстанет, ни не дождет, а ведь мы любим друг друга. И я уверен, что наш союзник, наши друзья не оставят: я работаю за клубом, он — заэлектриком.

Г. Курган-Тюбе

Л. С.

Дорогой редакция!

Мы влюблены в одного заманчивого, притягивающего себя. Однако и шел на экзамен, мне встретилась незнакомая инжениция, которая настолько стала

БУРЖУИСТ НА

и написал на тетрадном листе длинными, наклонными буквами: «Птица прыгает в окне. Если б знала ты, как грустно мне... И нарисовал сердце, пронзенное стрелой. Он вынул ее руку, вернула кончик, крутилась, как яблоко. Поэтому она зашурила конфетой, и щелка ее чуть испугала. Был сухой октябрь, и холод гонял листья по мостовой, перемешивая их с пылью. А она ела конфету, поглаживая пальцами обертку, и ей было все равно, какая осьще умирала за окном. Он подышал на стекло, и рыжий, архаичный в раму клен превратился в शुанное облако. И еще раз он посмотрел на нее, надеясь, что она почувствует взгляд и обернется. Но все напрасно, он закрыл руками лицо и глубоко вздохнул. Наверное, он уже полюбил так вздыхать, потому что сосед по парте не выдержал и подтолкнул его хорошенько в бок:

— Ты чего вздыхаешь? У меня так бабка во сне вздыхает, помять собирается.

Он не ответил. Желтоватые, почти бесцветные сумерки заполняли проулок.

— За одну скалярню могу дать три гупешки,— сказал сосед.

— Катись ты!

— Вздыхает тут. Но что мне твоя скалярня? Вот поглядись, ляжет на дно, и все. Скопятся скалярни, Валенок ты в ест.

«И фамилия у меня некрасивая,— подумал он.— Хоррохорин. Прядумал же кто-то. У других, как у людей, фамилии, а эта— хыр, хыр, хыр... Валенок дразнят».

— Валь, айда меняться,— снова зашептала сосед.— Если четыре гупешки сложить, в точности скалярня. И промажешься.

У соседа была страсть меняться. Он умел комбинировать и поэтому всегда был озабочен, как деревенский бригадир. А когда наступал размен, у него мерля дрожали изгрименные пальцы, как будто он пересчитывал горох.

— Чего ты все скребешься. Задачу-то решишь!

— Не-е-е.

— Я тоже. Плевал я на эти задачки.

В который раз он обвел нарисованное сердце, стрела затупилась. Доска, на которой была жирно написана задача, расплылась. В классе сухо пахло мелом. Но зато вперед, ден бабен на реке, сила ее голова. Голстая коса рыжим жгутом стекала по спине. «Надо бы чего-нибудь сочинить ей,— рассуждал он.— Хотя бы так: «Катерина (может, Катенька!), мы должны поговорить. Ты не забывайся только. В кино бы сходили, что ли. Не думай, я не дурачок». А вот замком на коток можно вдвоем или на лыжах...» Не годится. Она скажет: «Ну и дурак, чтобы потом родительское собрание собирать». А он бы ответил: «Собирают только марки и металлолом». Не годится, она трусиха. Разговорчики пойдут: ах, ах, рыженькая Катя с Валенком любовь крутит,— и тогда хоть беги, как пчелы измалат. Не годится...»

— Вы трусиха, Катерина,— сказал он, забывшись, вслух.

— Ты про кого это?— зашептала сосед.— Гляди, какой. Слушай, Валь, ты хоть задачу-то в тетрадь перепиши, а то у ты пуста одна. Вроде и пару не за что ставить.— И противно захихикал.— Тебе кол, а мне пару. Трудно с доски смывать, да?

— А на кой черт!— вдруг улынулся он.— Надоело. Пеночка любит рисовать в дневнике. Живописца. Вот пусть и потрудится, я ей поздравительную открытку пошлю. Потеха.

Ему стало безразлично и весело. Он сгреб с парты тетради, затолкал их в портфель и положил перед собой освобожденные руки. Еще подкачал пальцами.

«Пеночкой» они называли учительницу математики. Она была какаа-то вся боленькая, с тоненьким голосом и маленькими руками. К тому же и фамилия носила ласковую и уменьшительную: Пенючина. Но, как ни странно, характер мила твердый и часто с крустом сминала крепкие суаучи, лоджкая яркие губы. Любимые слова ее были: «Наши с вами пути расходятся. Предел в квадрате ничего не значит...» О чем она думала, проносила эти витивательные фразы, никто бы не смог уразуметь, но звучало красиво. Так казалась Хоррохорину.

Он поднялся, зажал под мышкой портфель и двинулся к доске, придерживая дыхание. В один момент, как проекторы, на нем схлестнулись взгляды.

— Вы куда?— изумилась Пеночка.

— Мне надо подышать воздухом,— сказал он.

— Так у вас же две двойки. У вас... Сядьте, Хоррохорин, не дурите.

Он достал дневник и положил на учительский стол, слабо усмехнувшись:

— Поставьте третью.

— Ты с ума сошел? Зачем?

— Вам нравится. А у меня в дневнике места много.

По классу пролетел смешок и восхищение: «Во дает!» Пеночка упруго пробежала вдоль доски и рукой выписала в воздухе замысловатый крендель, и ее окна метнулись назад, жарко дыша.

— Хорошо, голубчик, будет тебе и третья. И родители твои будут в школе. Анархист!— расширила она глаза и так двинула стулом, что Хоррохорину показалось, сейчас все разлетится вдребезги: и его дневник, и расширяющий стул, и сам он, покачивающийся от воздушной волны Пенючиного гнева. Она резвачисто бросила двоику на бумагу, и Хоррохорин отскочил, машинально щелкая замком портфеля. Встретился глазами с Катей и растерялся. Ему некуда было деться, он подделгал себя за ухом и почувствовал всю нелепость своего бунта. Он словно весь перемазался в детском киселе и выставил наложка глупейшую рожицу. Так и стоял он, как одинокий

Рустем КУТУЙ

У РОДИТЕЛЬСКОЙ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

драный валенок, прижимая одной рукой поргелля, а другой поглаживая челочку. Не глядя, принялся за сервировку. Леночка и сказала: — Спасибо! — Ведь он был всегда велика. И пошagal von на класса.

— Уже у тебя по спине посылули отрывистые слова: — Не родители не ялялись Эйнштейн!

— Без ялялись! — пробормотал она и прислушалась. Платок на ее голове был скучался болтающе, опершись на длинную шпатель. Платок на ее голове был заколот большой булавкой.

— Опять гонять тебя, — сказала она. — И куда гонять? Другим ничего, а тебя и кто угодно раз. Или ты на робота стrelьшля?

— Ладно, тетя Маруся, — вынул он руки. — Поладу.

Этот учебный год начался хоршей, доброй не свет осенью. И вдруг в жизни Хорхорорина все закувыркалось, как желейный лист в воздухе. Разве он мог предположить, что так случится?

До конца августа он жил с отцом на озере. Купался, ловил раков, нырял в воду на глубину в пять метров и тамным, — и загорал так, что глядеть на себя в зеркало стало страшно. Озеро стояло посереде леса, как большая голубая сковорода, на которой плавала желтая колбаса. Он с утра лежал в лодке на свободной воде и читал турецкие сказки. Когда становилась голубая обманчивая лазурь, он жевал ил отращенных лимов бродяги. Остатки шармывала рыбам. Его слегка покачивало, как в лодке, он заспался книгой от яркого света, пребывая в состоянии дремотного покоя. Бельями хлоровити мелкыли чапки. Темная маринья пересекла озеро на допленке, коротко взмахивая маленьким ведром.

— Эй, — кричала она, — молочно перешь? Черя не ехал, мужик поел. Ца-молок пил, ложка потерял. Токер тут. Ты не токтор, папа твой?

— Не-е, — отвечал он, прислоняя допленку к борту. — А молок мы возмем. Вот бидон, давай нальем. Сидни не надо, завтра вода придет.

— Мухом! Мухом! Мухом! Ты тоже пил цамокю, а ничто. Праздник. Он подкадил все всякий полдень и смеялся про себя: «Сиднящие на Яльчике». Так называлась озеро. Маринья говорила громко и быстро. Сначала он ничего не понимал, потом сваялся с ее странными приданиями и даже сходил за полдюжиной пирожков. Она хитрела еще по плечу сморщенной ладонши, и он чуть не опрокинулся за борт. Маринья смеялась.

— Кершый мальчик, томой веся молочно. Солнце кинет. Рыпа ловиши, мне тарбай. Шарить плуя. Веся молочно, веся! Пока! — прощались его слова.

— Мухика лечи, цамокю плуя не больно свет.

— Ака, — кричала маринья и отпалкывалась вешлом.

Он сидел, как лодка она работает желтым деревом под синее журчание воды, и прислушивался к спортивному лагерю. В иркутском шошенном пиднике с большими плечами она была похожа на суровую птицу, нечаянно опустившуюся на лесное озеро.

— Эй! — раздавалось у другого берега. — Молочка ната?

— Не, — кричал он, надрываясь, гудая, как колокол, если ударить звонкая пуста. Он одичал, как волчок, привыкая жить как поплаво.

С озера возвращаясь часам к двум, являл пропелченный солнцем.

— Проголодаст! — спрашивал отец.

Полуду поплывало раков. А ты котер готов, — отвечал он прорезывающим криком, — крижые колокю хлелдем, а?

Они чокались алюминиевыми кружками, оба в плащях, ошлепывая от жары. Говорили мало. У каждого было свое дело. Один чего-то там писал и в пекло и в ладок, другой по возможности обеспечивал воду, потому что вода и пил на пакетов осточертел. На узь Халка обеспечивал акуриш, на узин — раков.

Он выходил из палатки на берег, надевая маску и ласты, и начиналась охота. Через полчаса приносил целлофановый кулек раков, а на костре уже закипала вода в котелке. Вот была жихуль Рай. А раков они любили оба и торжили еду, как молотку, сядя у дровяного огня, озаренные всплесками пламени. А наверху гулял ветер.

— А чег, тут молочно все жини прожнть, — говорил Валька. — На зиму дом поставте, лес и прожикот. Людши-жоним.

— Давно. Говорить не протынешь.

— Ты лишь широкое седло. Тут лес дикий, и далеко разучишься.

— Ну да, сам с собой бы разговаривал.

— Дрвачок ты.

Валька вернул, что он смог бы протнуть зиму в одиночку. Его мускулы навалили силой, горло было красное, губы как колокол, если ударить кулаком; он укралш недоговещенный талисман — красные клешни рака. Он не чувствовал усталости и бродил по лесу наугад, без троп, не задвигая от везалюного шороха. Он знал, дог, — на юге, и споконно углублялся в чащу. Ни разу он не заблудился, не ощутил тупости, не ощутил тяжести в ногах, потому не несся в лучшем прелесте — сплыву утиканых белыми грибами. Жизнь его была свободна от каких бы то ни было сожалений.

Потом началось это...

В одно из воскресений Валька переплыла на лодке в спортивный лагерь. Белая рубашка горела на черной кошке. Чего-то его потянуло на тот берег, и проясняло он по туману случию, слонная отблывался в гости. «Валенок обманчивый», — сказала сам себе. Он сел на лодочку около пустынного футбольного поля и немного заснул. И тут кто-то подкрался сзади и закрыл лодочку своим плечом. Плотно так затворил и задышал на затылок. У него не было никаких мыслей, он только хватал и проглатывал воздух.

Услышав скворечный, расслышав смехок, и душа его замерла, и сердце удавило лужо и напряженио. Смеялась девочка, и, судя по всему, смеяла и напористая. Валька осторожно дотронулся до запястий, но она и не собиралась отнимать рук, а наоборот, слонная отблывался в гости. «Валенок обманчивый» и лез в лодочку нацели испльвать цветные краски. Он легонько приставил, но девочка придала локтями плечи, и больше он не двинулся, решив, что скоро ей надоест.

— Кто? — хрипло сказал Валька.

— А что на это ничего! Неужели кристик! Вы верите в бога, Хорхороркин?

— Хватит, — взмолился он. — Нелзя ж так долго.

Он мог бы, конечно, оторвать несильные ладони от лица, но какое-то ожидание удерживало его от резкого сопротивления, и Валька осторожно пожимала головой. От рук девочки пошло душнмый мылком.

— Чем вы здесь занимаетесь? — допрашивал голос.

— Смигу.

— Ну и что, где хоч, там и сижу. Хватит, — сказал он сердито.

— А босс, вы можете меня поколотив.

— Не поколочу.

— Клянцтис.

— Клянцис.

И пальцы соскользнули. И он сощурился от сильного солнечного света. У лавочки стояла Катя в голубенькой блузке, такая усмешливая и хоршейнейшая, что он сразу потерялся и не нашел ничего лучшего, как устояться развлекать.

— Чего это она тут повисляла? — металась скучная ничемная масть. — Каким ветром занесло? Вон и ножкой поигравала...

— Ой, какой ты загорелый, Хорхороркин! Ужас один! Можю, а тебя погротыраю, как пощипываю.

— Вот еще. Придумала! — сказал он, опасаясь подхода. — Знаем мы эти штуки.

— А у тебя крестик на нитке?

— Ну, я, если хочешь. — Он расстегнул ворот. — Клешни.

— Красиво как, а я подумаю, крестик. И как в голову пришло! Это ты сам сделал!

— Кто же еще. Вот, берн. На память, — сказал он, снимая клешни. — Я могу тебе живых раков наловить, их здесь полно-полно.

— Зачем! Он страшно.

— Жив, я понимаю ба. Сварить и бульеш ешь. Небось, язык проглотыши.

— Отравлюсь, а?

— Я один могу ведро усидеть. Пошли, у меня лодка на берегу. Ты как сюда.

— Приехала. А все буду жить. Вон домик, дверь раскрыта. С мамой, не одна.

— Он заволновался, шагнул чуть позади, расквашив руками и краснея от блеска неустойчивых Катя. Как он ее увидел, так и случилось с ним приятное превращение: он ощутил каждый углубий мускул, горячие, задышавшиеся сердце и говорил, выделяя всякое слово через уши, сплываюся к невиданному преграду, спешил навалод, и от его белой сервизной уверенности не оставался в следа. А Катя все еще было в новинку — и модные талисы, и свободные бистовшая вода озера, и глубокая темнота леса — она аккуратно ступала узкими тудельками меж взбухающих корней, словно веся позвизы о настороженном сплунтине, и в лобду запрыгнула наловко, болязю искривну, и тут же зацепилась в самейку.

— Не бойся, — сказал он. — Славу, если тутонн намчеш.

— А я не хочу тутонн. Я не умею плавать.

— Ну-ну, — вдруг поощаюса он. — Пловничью станеш.

— Не, — сказала она, с удовольствием наблюдая ее моментальный испу, и улыбулся в перьях раз свободно и широко, благодарный неизвестно чему.

Небеса и озеро были одного цвета. Деревья вплотную подступали к воде, и затененная прокладная тень лежала на поверхности водной водорослей. Светлые пятна посплывали со дна, как нечто странное дыхание.

— Это дышет раку? — сказала она. — И где он там живет?

— В норках. А бежит, знаешь, как быстро. Уж, даме не повериши, удаирот во все платки. Говорят толку, что они платки. Получше зыщце дракель.

Но Катя не удавала, она лишь перхерхерхала. Я сразу по два лавоно. А то такой молочкос поладается, гадать смешно. И я тутам хоучу под водой, а наверх пазури подот.

Потом он ловил раков, а Катя стояла на берегу с целлофановым пакетом. Азарт охоты скоро захватил и ее, она принималась то бегать по тропе, то скакать.

— Наверное, хзатит, — сказала Катя. — Вылезай. Вот мама удичится. Мы никогда не варили раков. А я скажу, это тебе от Вали Хорхорорина, он счелн умелый мальчик и никого на свете не боится.

— Скажеш! — Валька сидела на корме, шавивши в замерзший колоко. — Только раков в киняток опускаться, а то страдают они. Долго умирюют.

Катя перебралась к лодке, ухватив за морков Вальку горячим рукой, и будто нарочно испугалась, он придержал ее, и отчего-то оба почувствовали неловкость.

На прощание Валька дал Катю почитать турецкие сказки и сказал: — Ага, — крикнул Катя.

— Катя, — крикнул Валька.

Валька он спал плохо. Прогрета обухина дома слабо прогревала, остьвая, и Валька проснулся от густой дымки. Он думал о Катей! Глядя темнота шепселета и выдыхла. Валька чуть прислушался к движению ветра, волному шуму деревьев, углубная ночная время.

Катя перебралась к лодке, ухватив за морков Вальку горячим рукой, и будто нарочно испугалась, он придержал ее, и отчего-то оба почувствовали неловкость.

Твоя профессия

Леонид ПЛЕШАКОВ

Знаете, что человек порой хочет верить черт знает во что. Да еще подорожники подвигают.

Наслушався я однажды историй о необитаемых приключенных клонических охотников-промисловиков Алесандра Ивановича Волкова и его сына Ивана, который вроде бы в свои тридцать два года сумел обскать знаменитого отца в самой опасной и трудной для Камчатки медвежьей охоте, а ну-то ноги сами понесли меня на край поселка, где живут Волковы.

Иду себе, думаю: и куда это вчерашний глупец девался? Ведь как лихо осваивал накануне «иноземцами» вопрошания рассказчишкой Ничему на верях. А теперь вот кой-кого ни свет ни заря, и не без подтверждения своих сомнений, а за детали и подробностями к нам немеряно бей-кам, коники потчевали меня местные старожилы, народ, как замочил, и к охоте и к сочинительству весьма способный.

Один, например, сказал вчера: — Старший Волков-старший, считай, за свою жизнь тыщу медведей завалял.

— Да что ж медведь — зац, что ли! — крепко засмеялся я.

— Зац — не зац. Да и Александр Иванович — это тебе не просто так, Волков! И вот теперь я еду к сыну, так как сам Волков-старший с годами от охоты почти отошел и промышляет с бригадой рыбу в низовьях реки Камчатка.

Дом Ивана вроде бы не противоречил вчерашним рассказам. Но стена сразу слезилась, иером-том трясущийся медведь наружу медвежьи шкуры. В огороде доправа замышлял деревянные бач, а за забором являл чье-то восемь деревянных кобылен. Венгера, капканы, куча каких-то проволочных корзин неизвестного мне предназначения, гильзы, куски войлока для пняж — все это лезало в глаза, будто не особенно даровитый режиссер густо, нарочито и броско развесил и разоставил охотничьи реквизит перед съемками фильма о тайге. Все было «как надо», только вот хоз-монтаж отсутствовал.

— Идем за уткой! — объяснила Тамара, жена Ивана. — После обеда обещался.

В подтверждение его слов по двору тыяло горюватым дымком от бачки, который залога копилка жар и пар для встреч Ивана после охоты.

Я пришел и вечеру, но Ивана опять не застал. На лавках в санях лежало полсотни кракшей, саксанов, микров — его утренняя добыча, еще кракшивая запах Болота и горюлого пороха. А сам Волков уже часа три как учулся со своим постоянным напарником Гангой Даниловым на бате вверх по Еловке, левому притоку Камчатка.

За неделю перед тем Геннадий, мезанин по профессии, высмотрел с воздуха в болотистой пойме реки пару сенушек с тысячами уток. (Сенушка — это небольшое озеро с змунбистыми, поросшими камышом берегами, куда на дневку слетаются перелетная утка после ночной кормежки. И удача охотника, если среди сотен голубых зеркала он сумеет отыскать то, которое птицы облюбовали для своего отдыха перед дальней дорогой на юг.)

Первый день охоты показал, что глаза не под-

вели Геннадия. И они, не отдохнув, снова помчались к азветным озерам попытать счастья, пока другие охотники не наткнулись на них и не расстреляли птицу.

Они добрылись до нужного места только под вечер. Поутру, часа в четыре, встали, перебрались к озеру патроны, размытую лодку, выбрали места для засидок. Когда с рассветом пошли первые табуны, Иван с Геннадием их уже ждали.

В то утро они взяли еще шук по шестидесяти. Пока собирали добычу, сплавлялись вниз по реке да перебирали в пути загложный моток, спустилась ночь. Домой добрылись при звездах. Придя рано утром к Ивану, я застал его уже на ногах, хотя по лицу было видно, что две утиньи зоры крепко основательно утомили его и усталость еще Бродит по телу.

Ростом Иван не вял. Да и сложения не такого, какими обычно представляются тоинские охотники. Только приспособился хорошо, зато умгады в нем и силу и проворство, столь необходимые в тайге. Его руки постоянно что-то делают. Сначала даже кажется, что он волнуется и потому все перебирает изде-то гильзы, железки, пружинки. Но потом я понял, что, даже разговаривая со мной, он все время работал и вертел что-нибудь в руках совсем не бесцельно.

И еще запомнился глаза. С постоянной итерпоз и веселой усмешкой, всегда чуть прищуренные. Наверное, последнее обстоятельство объясняется профессией: Ивану постоянно приходится щурить глаза, совмещая мушкетер с целью. Может, поэтому и в разговоре он по привычке как бы прищелачивает в самую злую аворса.

В санях деловито и монотонно гудел примус. Иван приспособил над ним железный лоток со свинцовыми обложками аккумуляторов, азда на носике лотка брызнула к мокрой наклонной тряпочке тонкая струйка металла, он отрегулировал ее так, чтобы, дробясь о полотно, санец прыгал в кастрюлю с водой круглыми, одинаковыми по размеру шариками.

Он объяснил, что такой способ отливки дробей привез с «материка» какой-то оставший полковник, но что ключевские мушкетеры помнят поинтересным словом этого заведлого охотника.

Я решил, что дробь готовится для новой вылазки на озеро, а потому, поздравив хозяина с удачной охотой и прохорош заработком и наглядываясь доста на его вчерашнюю добычу, спросил, когда он уже собирается на уток. В душе я надеялся напориться в напарники, но прямо горько от том пока не решился.

В этом году больше не пойду. И так время упустил. Как бы мой кобыли змой с голода не окозели. Да и охотиться на утку невыгодно.

Для меня это прозвучало примерно так: в огороде бузина, а в Киеве — дядька. Иван пояснил: — Принимай, сколько мне уплатят за утку госпрохоз. Теперь выйти из этой суммы стоимость зарядов, бензина, амортизация мотора, бата, ружья — за все планы мои собственные денежные — так что останется мне совсем немного, а утомляющийся на утке капитально, — закончил он своим любимым словечком.

Если с охотой на утку после этих слов все стало ясно, то в остальном тумана не убавилось. Я учулся за брошенное вскозь замечание и

стал тизнуть звено за звеном длинную цепочку взаимозависимых друг с другом фактов, обстоятельств, событий, которые так или иначе имели отношение к работе Ивана.

И вот, выстроив все эти факты в длинный черед, я понял, насколько ошибочными были мои прежние представления о труде охотника-промисловика. Что греха тыть, разве я искренне был убежден, что с началом сезона он уходит на широкое, побитый камусом лезаю в тайгу и знай себе бьет зверя в глаз, чтобы к весне возвратиться домой с охалкой соболями, белчих, кунчих и лисих шкур, мягким золотом, которое еще раз подкрепит славу русских мехов на очередном международном аукционе.

На самом деле все оказалось и так и не так. Его охота при ближайшем рассмотрении — сложное хозяйственное предприятие, где он сам себе и работник, и начальник, и плановик, и снабженец, и бухгалтер, и отдел кадров, и завод, и кладовщик, и носильщик. Он вместил все эти должности в одной: охотник.

Для него охота — работа, главное занятие. На нем замкнут весь размеренный ритм его жизни. Ему не понять человека, который охотится в свое удовольствие, который может позволить себе и не охотиться. Волков должен охотиться. Даже если он не в тайге, он продолжает быть охотником: чинит бат или венгера, разбивает свежую медвежью шкуру, готовит к езде нары и капканы, вялет пули и дробь, ставит пушнину и мясо, согласно договору с госпрохозом. Дел у него столько, что сам промышляет — непосредственное нахождение в тайге — как-то кажется и не главным из них. Хотя, разумеется, все «непрямозидательная» деятельность Ивана подчинена этому промыслу.

Выражая его языком, «наметательно утомляясь» приходится не только на утке. В его многоликой профессии, которая на деле вмещает десяток специальностей, легкого труда, пожалуй, и нет. Как только нитку, одно дело тинет за собой другой. И выстраивается он чередом через весь год в строгой последовательности и взаимозависимости, ни прервать, ни нарушить которые Иван нехотел, не рискуя загубить все дело в целом.

Зима для Волкова — время пушники: соболь, выдра, горностай, лиса, россомаха. Госпрохоз заключает с ним договор, на основании которого уже не первый год Ивану выделяют «персональную» участок угодий с избушкой. Его илладания начинаются сразу за рекой Камчаткой, напортия Ключом, и тянутся на север, вдоль Харчинского хребта. Четких границ нет. Единственный географически точный ориентир — его зимовье, «Добра» такая избушка, хот и засыпания. Я ее подмониторил, пень переломил, тело в любой холод». До нее от поселка пятьдесят километров. Я попытался принунуть площадь, с которой Волков снимает «угодья». Получилось: чуть ли не государство Люксембург.

Соболь, тот самый знаменитый камчатский соболь, чьи шкурки на вес золота, — главная добыча зимой. Забродил его строго лимитирован, а потому и заработок не так велик, и уже во всеком случае, не идет ни в какое сравнение с затратами труда, собольев Иван отдал много и времени и сил своих. Добытый соболь, кроме всего прочего, еще и престиж. А в профессии охот-

ворот, что твой отец одного даже не то веслом, не то палкой убил!

Я эту историю слышал а послева раннее, сам доверял не особенно и ждал, что Иван засмеется. Но он вздохнул:

— Было дело... Бата в те времена как Бочонок — 120 выстрелов. Ну, одной весной понок — шарниру диннет... Хоть и медведь, а почувствует.

Кончил он неожиданно:

— Зато сколько народу в Клину спаллировал мишкой! Да и бата милоу, от мишки бегать приходилось, благо, старый спортсмен.

Своей гордости за отца Иван не скрывает. Иногда с завистью говорит о его былом здоровье и личности. Году в тридцать пятом надувал Александр Иванович — дружал с ним, потому что в Клину в Ключи в Петропавловск промат. Кто знает камчатские дороги, горную тундру и болота, тот поймет, что не столько они везли, сколько тащили свои машины на горбу. Но цели достигли.

Так вот, даже перед лицом таких блестящих достижений, помня о былых доблестях и безстрашии отца, Иван все-таки счел нужным рассказать и об одном-единственном случае, когда Волков-старший оплошал перед медведем. Ради объективности. Ради уважения к медведю.

Было в словах Ивана искреннее восхищение зверем. Но для меня в их поступке выделено явное противоречие: он вроде бы и любозависал зверем и в то же время, не дрогнув, увеличивал счет своих трофеев. Хорошо, пожалуй, что он не вмешивался в свое дело. Но с другой стороны, с каждым его выстрелом дич становится все меньше. Хоть камчатская тайга и теперь богаче ею, чем любая другая область страны, все-таки и здесь человек извел ее порядочно, и не та теперь, что прежде, охота, не та рыбалка. Все меньше зверя и птицы в лесу, все меньше рыбы в озерах и реках. Запреты и лицензированный промысел пока желаемого результата не дают. Не жалется ли Иван Волков одной из маленьких, но все-таки причин оскудения нашей природы!

Я долго думаю над этим и решил, что он, как представитель всех профессий охотников, тут ни при чем. Человек должен быть у природы ее дары. И правильно будет взимать эти дары поручить наиболее подготовленным профессионально людям. Другое дело — как определить и как проконтролировать размер дани, как учесть благотворное и губительное влияние природных факторов. Можно просто сказать: мало медведя — значит пострадал охотник. А можно развернуть всю цепочку причин, и окажется, что встали ступенью много леса, где раньше обитал зверь, а неумеренный лов лосося в океане ягодами еще больше усугубил причины, по которым падает количество рыбы, — следовательно, поднимается на микротон. И станет ясно, что вовсе не охотники, а нарушение биологического равновесия — главная причина оскудения камчатских лесов.

Но даже создавая все это, мы по старинке остаемся беззаботными и нерациональными хозяевами. Приведу небольшой, но характерный тому пример. Я хотел увести из Ключей медвежью шкуру. Лучшего камчатского сувенира не придумаю. Но ушел Иван объяснил:

— Охотник бросит медвежью шкуру в тайге. Невыгодно их везти домой, как козьицы их не принимают. А за меховые — сам понимаешь, какой медведь осенью: не вылезал еще, но особо красивый — пахнет самую лучшую шкуру рублет пополам-два. Меньше, чем за оленята. Да к тому же во нужно обезжирить, растнуть, высушить — возни невпроворот. Себе дороже.

И-за боязни хлопот не принимает госпрохоз медвежью желчь — старинное народное средство при лечении печени и желудка. В обиход, когда мы стали подсчитывать с Иваном, что можно было утилизировать и с выгодой продать, то оказалось, что по стоимости шкура оленя рублет столько же, сколько сейчас берем мы за убитого медведя. Вот какое отступление я вынужден сделать, чтобы понятней стали и мой герой и его профессия.

Процласся, он признался мне:

— Когда на мишку идешь — силу свою чувствуешь. Поверши, осень подходит — я уж терпеть не могу: на охоту таяну. Жду переселения сентября, как праздника.

Прошлым летом выбрались мы с Тамарой на «материк». Погостили с неделю у отца в Ураге, поехали к тетке в Ульяновку. На Волге Иван выдержал всего два дня: через всю страну пронесся на реактивном самолете на Камчатку: приблизилось время охоты, и он не хотел упустить ни одного дня.

II

В школе, на читальской конференции, речь зашла о работе журналиста. Я, как мог, рассказал о ней и, в свою очередь, спросил ребят, кто из них мечтает о профессиональной общественной деятельности. Вопрос этот казался мне естественным: ведь десятиклассники хотели выбрать профессию интересную и нужную.

Я не ожидал того тикого смещения, которое вызвал мой вопрос. Словно он был задан по материалу, который мы не проходили.

— А что это значит: профессионально заниматься общественной деятельностью? — спросила рослая девушка в форменном фартуке.

— В партии, в комсомоле, в профсоюз, в советских органах устройством общественной жизни занимается тысячи людей. Это их работа, профессия... Так кто же?

Ответа не последовало.

После конференции немолодая учительница литературы Ольга Александровна, инициатор этой встречи, попенала мне:

— В жизни не встречала десятиклассника, который мечтал бы стать... ну, инструктором района. А вы — кто вы?

И уже отвечая каким-то своим, волнующим ее мыслям:

— Учительница у нас была. Очень способная, можно сказать, талантливая... Забрали в райком. Будто другой не могли найти...

В студенчестве, все было так, как у меня самого много лет назад, пока я не встретил Николая Минина и впервые не подумал о том особом таланте, который сейчас про себя называю талантом к устройству жизни, способности делать ее разумной, интересной, тоньше. Николай был секретарем райкома комсомола, а я только что назначенный директором десятилетия.

Это было время, когда секретари райкомов когде еще шеголяли в френчев защитного цвета. И на Николае я день нашего знакомства был такой френч, но не зеленый, а речемо-то синий. Бог знает почему эта полнотащит показався мне ужасно провинциальной, под стать нашему далекому Усть-Вымскому району, что в Коми АССР. А сам секретарь, белобрысый и румяный, простодушно обрадованный тому, что в его нomenclатуре появилось комсомолец — директор школы, а потом, словно стеснялся этой радости, начавший ставлять меня по части связи с райкомом (тово всем в тогда), человеком неинтересным и в смысле совместной работы бесперспективным.

— Давай заходи, — сказал он на прощание, — можешь, что и присоединяю...

Я поблагодарил, твердо зная, что скоро сюда не приду.

Полгода спустя он вызвал меня сам. Я пришел в райком спонсорской школьная комсомольская организация работала неплохо.

— Давай не задавайся, — сказал секретарь, выслушав мой рассказ, — давай думать, почему родители на тебя жалуются...

— Я пожал плечами: уж родители не его комсомольская забота.

— А потому жалуются, что не понимают, — сказал Николай, — ты их детшек классы убирать заставляешь и мастерские строишь... И в школе каждый вечер занимаешь. А для родителей этого, эксплуатация... Давай объясни им...

Он пришел на родительское собрание. Но учителя, воспользовавшись редкой встречей, стали прорабатывать пап и мам. После собрания Николай набросился на нас:

— С ребятами вы по-чужому, а с ними по-старому. Ругаетесь, морать читаете... Думайте, как по-другому...

И вдруг продолжил:

— Родителям в школе должно быть так интересно, как и детям. А что если концерт их силами организовать? Позвать в школу песни петь, стихи читать!.. Сколько им придет для начала — все шаша втира.

Если бы он признавался! А то, просто умолял попробовать:

— Понимашь, необходимо это, необходимо, и тем, может заинтересовать.

Мы сотворили этот концерт, но Николай пристал ко мне с новой идеей. Мол, одних мамой поют, другие вают, вышивают. Папы рисуют, режут дерево, делают аские модели. Надо устроить в школе выставку.

— Что я тебе, дом народного творчества, что ли? Клуб!

Она, глядя на неуставля:

— У тебя в школе учителя из институтов до университетов. А здесь кадры — дай бог семь классов. У кого им учиться! Да тебе выгода — мамы твои в школу потянутся... Давай действуй!

В substance, это были отличные педагогические находки, о которых я нигде прежде не читал и не слышал. И в находах этих проявлялась так высоко ценная психология способность таланта соединять вещи на первый взгляд несовместимые. В данном случае: личный человеческий интерес пап и мам с их родительскими обязанностями. Умом я понимал это, но зачислить во вчерашний Колю Минина с его синим френчем и бесконечным «дай-дай-дай» я долго не мог: талантливыми бывают ученые, художники, музыканты, иногда учителя, но секретарь райкома комсомола!

На выставку родительского творче-

ства он заставил принимать весь комплексный актив. Секретарь от колхозов, совхозов, лесопунктов.

Черт его побери, он знал, что дела, и случайность здесь исключала притягательный эффект от этой выставки — был колоссальный.

— Надо, чтобы комсомол работал на всех людей, на народ,— сказал он мне однажды.— тогда он будет сильным. А у тебя он сам себе обслуживает. Вечера, походы, соревнования. А где люди, где весь народ поселка! Давай поговори с ребятами—резни им эту мысль...

Он вторгался в сферу, где у меня, как я думал, и без него все неплохо получалось.

Лом собирают, деревья сколько посадили, а тебе все мало!— сопротивлялся я.

— Тебе самому этого уже мало. И ребята,— сказал он.— Ты, брат, годовых решений им не предлагай. Любопытно, что они сами придумают.

Я собрал комитет, и Галка Филиппов, как раз спазу понял, о чем идет речь, начал:

— Соседи у нас — молодожены. Ребеночек у них. Из-за него они в прошлом году не были. Вот если бы при клубе детсадик организовать! Пришли родители, отдали нам на время сванса ребеночка, а потом взяли...

с чего начать? У соседей такое начало состоялось давно. Они построили районные дома культуры. Правда, из-за недостатка кадров работают они слабо, но за район без своего ДК Знания, думать не о чем: путь проторен не ими, остается пойти по нему. Но члены бюро райкома, в числе их Волков, воспротивились. Надо начинать не с ДК, а с хорошей музыкальной школы. В хорошую школу и придет музыкант-специалист. В школе я работаю для них интересней и зарабатываю выше. Через несколько лет школа даст райцентру и окружающей семье верховников музыкантов, руководителей самостоятельности для сельских клубов. Да и сам привяд большой группы музыкантов не может не отразиться на культурном климате района.

Путь был неправильный, нетрадиционный. Но решил ступить именно на него.

Всего три года работает в Погораничном музыкальная школа, но уже сейчас в немых когда-то колхозных и совхозных клубах и сельских красных уголках зазвучала баяны.

Разве, убеждала Ольгу Александровну, в любой другой сфере человеческой деятельности подобное явление не было бы названо оригинальным, творческим и его авторя,

окумулирующей работу общественно-организатора, не так уж безоблачно, как бы хотелось, и замечание Ольги Александровны о способной учительнице, которую звали в райком, говорит об этом достаточно красноречиво.

Такой фен не только осложняет работу и повышает сопротивление материала, знакомое каждому работающему с людьми. Непонимание специфических трудностей социального творчества, порой неумаживное отношение к нему подрывает веру в его необходимость, сушат путь общественно одаренных людей, поставивших себя этому нелегкому труду.

«Талант нужно беречь», — писал В. И. Ленин. Неведомо, почему мысль эту мы привели чаще всего толковать лишь применительно к талантам художественным. Да и в одном определенном направлении — сверху вниз. Талант жеишеурителя, общественного, воспитателя, организатора — также же правая и левая вещь, как и любой другой талант, и столь же нуждается не только в помощи сверху, но и в сочувствии и понимании снизу и сбоку. Потому что «беречь» талант в одном случае, для себя, не чувствуя, что он

себе и других воспитателей, описав один из наших ночных педсоветов («Густо ребята поучаствуют нашу работу»).

Его изобретательность, умение найти самый изобретательный выход из положения особенно пригодилось мне в один из последних дней смены. Соседний колхоз просил помочь не посылке овощей. А настроение у ребят было предвздорное. Всем хотелось «накопоть» как можно больше загара, и каждый час, проведенный не на пляже, казался потеревшим зря.

Юрий ворвался в спальню, когда до конца «того часа» оставалось минут десять.

— Поваля! Горит! — кричал возмущенный, поднимая разномренных сном мальчишек. — Скорей строньтася! За мной!

«Оломки в одинн трусах выбежали на улицу».

— Бегом! Юрий, не глядявася, бросился вперед. За ним отряд.

— Надо спасатя! Скорей! Горит! Урожай!

На поле ребят ждали ведра и лейки. Их уже нельзя было не расквашивать.

— Я не удивился, когда узнал, что Юрий избрал секретарем комитета

КОЛОДЕЦНАЯ

Узнав об этом предлодении, Николай прямо-таки ахнул от удивления:

— Я Б такую сейчас же в райком! Нужны им таме, понимаешь! — «А, собственно, какие таме!» — подумал я.

Наэт вопрос тоже был один ответ — «талантливые». Но проистини его было трудно, потому. Для этого понадобилось немало времени и немало встреч.

Но когда эти встречи были познаны и слово «талант» легко, без внутреннего усилия стало уживаться в сознании со словами «секретарь», «инструктор» или «председатель районского Погораничного района, что в Приморском крае, и в частности с председателем тамошнего райисполкома, бывшим командиром работником Николаев Петровичем Волковым.

Район этот был один из самых неуезжих. Его то реформировывали, то организовывали заново. Шло время, и к тому моменту, когда Петрович опять востановился и повадил, он сильно отстал от соседей. Особенно в деле культурного строительства. Руководители района задумались:

буду они инженеркап или учителями, не были бы отмечены по заслугам! — Может быть, — неохотно согласилась моя собеседница, — может быть. Впрочем, я в этом не очень разбираюсь...

II.

Мы не подготовлены к восприятию деятельности по устройству общественной жизни как специфической и интереснейшей сферы творчества, равноценной научному или художественному. И Ольга Александровна и ее دستиглиссини в этом смысле не исключение, хотя таме школьные дисциплины, как литература, история, обществоведение, могли бы и должны были быть и учительнице и ее ученикам более четкое представление об этом важнейшем из человеческих поприщ.

Однво проблема эта имеет еще ту особенность, что далеко не исчерпывается личным интересом молодежи, ее профессиональной ориентацией. В конце концов учебных заведений, которые готовили бы общественных деятелей не безе десятилетия, нет. Жишеурителями, как известно, становится. Дело в той атмосфере доброжелательности и понимания, в которой так нуждается работа профессионального и непрофессионального организатора общественной жизни.

К сожалению, эмоциональный фен,

ценность, в которой нуждаются все, трудно.

...С Юрием А. я познакомился в пионерском лагере. Работал он секретарем в паровозном депо, был активным комсомольцем, и в лагерь, где я был начальником, его прислали вожатым. До этого с пионерками Юрия не работала и из всех педагогических, преумудренный знан только одет; ребята не должно быть скучно. Ее он и высказал в первой нашей беседе.

«Всего лишь «не должно быть скучно», — подулал я, а в то время уже неплохо представляла себе, как это трудно сделать! Я поспотрел на его широколобую, сильную фигуру и решил, что парно самое место в отряде старших. Старшие были «ломками». Их ничем нельзя было проинт. Условя не стояло на воспитательные таланты новичка, сколько на его мускулы, я надеялся, что он «загонит» своих подопечных спортом и дальним походом и возвратит по крайней мере не придется дежурить у ломкал себе отбоа.

Были у Юрия и спорт и дальние походы. Но, что самое главное, он был наделен удивительным чувством возраста и его интереса. Это он придумал собрания, где каждый говорил о каждом. «Ведь им очень интересно, что о них думают другие», — объяснял Юра, — по себе помню». Это он предложил конкурс на лучшее письмо маме. И сам написал письмо, где смешно рассказывал о

комсомола депо, а после ярмаи — председателем месткома. Потом я уехал, и встретился мне через несколько лет. Юрий стал машинистом тепловоза.

— Так уж получилось, — сказал он нехотя.

— И слова боту,— добавила его жена, — теперь хоть профессия в наших руках. А так ни сна, ни покой, ни благодарности... Одно только название — председателю.

Юрий заговорил о последнем собрании в депо. Он выступил, а начальнику не понравилась «кто, спрашивается, тянул тебя за язык — критиковать бригада ремонтников! Молги, — говорит, — разберитесь в рабочем порядке».

— Неглупый человек наш начальник, а вот понять, что гласность — это вред, смертельность у хирурга, не может.

Мне показалось: человек тяготеет сегодняшней работой, скучает по оставленным делам. Я спросил его об этом по дороге в гостиницу.

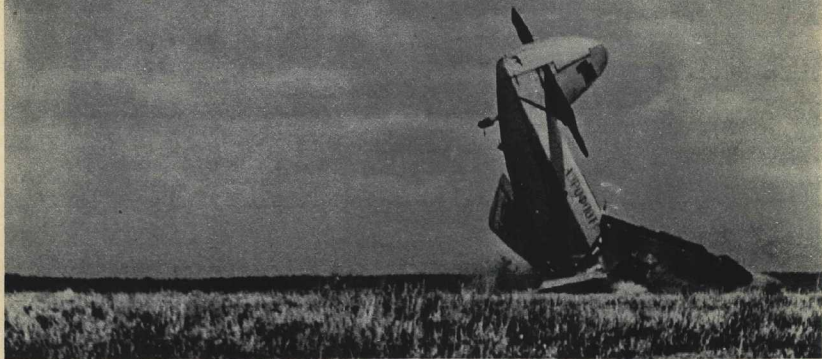
— Что с начальством трудно срабатывалось, то победы было,— ответил Юрий.— А вот, что жена говорит, слышал! Да разве она одна! И насчет невозможного, насчет того занятия я наслаивался и насчет теплого местечка. А какое оно теплое, когда на всех востановил! Все это вместе и связалось... Настроение падать стало, азарт пропал... А без них никак работ Подороша минута — и не выдержал, попросил, чтобы отпустили в

ГОД И ВОСЕМНАДЦАТЬ СЕКУНД

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Виктор ЕВГЕНЬЕВ (фото)

начала над полем появился вертолет. Гигантская стрелка на фоне прозрачного сентябрьского неба.

— Самая совершенная конструкция — опытный экземпляр модели МИ-10-К, — объяснил мне стоявший рядом летчик. — Уж если кто и сможет, так только он...

Надо было видеть, как элегантно плыл вертолет, красавец и силач, к краю летного поля, где притулился старенький, выданный в виде АН-2, двояжды списанный по возрасту из авиации, уже разрезанный на части автогенном, а теперь снова собранный, подлатанный, подлоченный — с заклепками на бортах и крыльях. Готовый для своего самого последнего рейса...

В момент, когда они встретились — вчерашний и сегодняшний день авиации, — на аэродроме Шереметьево

было тихо и пустынно. Только подвезжали «графки» с надписью «Кино», и из них выгружали оборудование для съемки и кабели. Потом в середине поля расстелили белое полотно. На самом краю его установили радио, а полукружием — семь камер. Появился и хозяин радио — Валентин Андреев, заслуженный пилот СССР. Заняли места у камер главный оператор картины Владимир Коваль и шесть его помощников.

Вся эта будничная деловитость была вовсе не похожа на то, что рассказывают об атмосфере киносъемок с ее шумом, суетой и неразберихой, и не прыгал в кадр хлопотливый ассистент с хлопушкой и традиционным выкриком «дубль такой-то!».

Этот эпизод будущего фильма «Пилот первого класса» снимался без

дублей. Они невозможны — вы поймете сами, почему.

...Вертолет с прицепленным к нему «Антонмом» медленно, осторожно стал подниматься в воздух. В небе происходило нечто необычное, и все, кто находился на земле, сознавали это. Плотное кольцо зрителей окружило летное поле. Да что поле! Все шоссе вокруг аэродрома за считанные минуты превратилось в гигантскую пробку: легковые, грузовые, автобусы приостановили свой путь...

...Вертолет набирал высоту, а на земле в ожидании сигнала замерли семь кинокамер. Не слышно команды режиссера: «Внимание, мотор! Начали!» Да и сам режиссер Анатолий Везихто не спускает глаз с радио, с Валентина Андреева. Сегодня в кино командует авиация.

...Вертолет делает несколько кру-

гов над полем и идет на снижение. В полной тишине на камере поднимаются флажки — знак готовности. Это сбитая начала съемок.

...Этот момент на экране зрители увидят один из кульминационных моментов фильма — последний в жизни рейс лучшего комэска авиации специального назначения, пилота первого класса Василия Селезнева.

...Низкая облачность принимает самолет к земле, идет дождь — мелкий, частый. Он заставляет Селезнева напряженно вглядываться вперед, поглядывая на приборы, на карту, на землю.

...Тракторы стоят в поле без движения — нет заготовок. Трактористы гонятся у кюветника. Ждут. Все было бы хорошо: Селезнев, опытный летчик, вынужденный нарушить ради дела инструкцию — полететь в непогоду, без второго пилота, вырвать соседний колхоз, — посадил бы самолет. Если бы один из трактористов вдруг не выбежал на поле, — прямо под снижающуюся машину. В последнюю секунду, когда шасси должны были коснуться земли и гибель тракториста казалась неминуемой, Селезнев равнул штурвал на себя, дал полный газ. Самолет буквально перепрыгнул через тракториста. Но двигатель с неисправным карбюратором не развил больших оборотов, и самолет не смог уйти на второй круг. Летчик пытался вырвать машину, но самолет уже потерял скорость.

Это фрагмент сценария. Чтобы снять эту сцену, заслуженный пилот СССР Георгий Петрович Дробышевский, который ведет в эти минуты вертолет, должен на заданной высоте по команде Андреева с земли мгновенно отцепить свой груз (двигая на это не более 6 секунд!), так, чтобы на экране мы увидели достоверную картину гибели самолета. Только Ми-10-К вертолет с точечным электрическим отцепом, способен молниеносно сбросить груз, не изменяя траектории движения.

Но ни один из специалистов Научно-исследовательского института гражданской авиации не мог дать гарантии, что встречные потоки воздуха не отнесут Ан-2 к краю поля, что сброшенный пустой самолет не станет планировать в воздухе. Что огромные лопасти вертолета не закрутятся и не разорвут его на части. И, наконец, главное: что самолет не упадет прямо на кинокамеры...

Дистанция безопасности и угол возможного падения самолета вычислялся по сложнейшей формуле инженерно-авиационных расчетов. Формула оказалась точной. В сценарии: «Самолет ударился о вязкую, пропитанную дождем землю и зарылась колесами в мокрые суглинок, медленно перевернулся, ломая концы крыльев и лопасти винта». На пленке это запомнили с безупречной точностью семь высокоскоростных камер.

Эпизод на экране занимает 18 секунд. И еще год подготовки к этим секундам — с начала работы над фильмом «Пилот первого класса», который снимается на студии «Ленфильм» Анатолием Васюком и Натальей Троценой по сценарию Владимира Кунина, знакомого зрителю по кинофильму «Хроника пикирующего бомбардировщика».

«...САМОЛЕТ УДАРИЛСЯ О ВЯЗКУЮ, ПРОПИТАННУЮ ДОЖДЕМ ЗЕМЛЮ И ЗАРЫЛСЯ КОЛЕСАМИ В МОКРЫЕ СУГЛИНОК, МЕДЛЕННО ПЕРЕВЕРНУЛСЯ, ЛОМАЯ КОНЦЫ КРЫЛЬЕВ И ЛОПАСТИ ВИНТА». ЭТОТ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД СЦЕНАРИЯ ФИЛЬМА «ПИЛОТ ПЕРВОГО КЛАССА» СНИМАЛИ НАД ПОЛЕМ ШЕРЕМЕТЬЕВА.

Олег ПОСТНИКОВ

Скорпион

Трусляк, коварен и жесток,
Набитый прозеелью смертной,
Он жалит в ярости песок,
Когда адруг упускает жертву.

И во земле хвостом скребя,
Ничуть он в колбе не опасен,
Он, обуремя, бьет себя
Своей отравленной иглою.

И даже вот сейчас, когда
Ничуть он в колбе не опасен,
Он остается и тогда
До омерзения унасен.

И انه все калется: за ним
Плывет в спирту новое жало...
Есть твари на земле, являюи,
И самой лютой смерти явлюи.

Мы глянули из-под ладонь
Туда, где за красной чертой
Степные курганы, как кони,
Бродили в траве молодой.
Был виден вул. Над мечетью
Ленивые шли облака.
С востока изогнутой плетью
Песок огнбада река.
Там плавно глубоководию
И прной апрельской джандою...
Все мирное наше, родное
Осталось за красной чертой.
Надоело ль...
Вернемся ли к дому —
Никто бы ответить не смог...
Мы взгляди ответли
И, как в омут,
Вошли в расчлненный песок.

Беркут

Беркут крылья сложил,
Замер в воздухе синем.
Зависит, стухом отлеил
В Кызылнумской пустыне.
Словно след от камчи,
Вдурлся крик одинокий.
Но кричи — не кричи:
Отняли твои срони.
И беги — не беги:
От удара не скрыться...
Снова вылет крути
Над пустынным плнча.

Легенда о горячем родинке

Ветер шмыл
И рассылал страннцы...
Было ж так...
Зачлчтался звезда,
Сорвалась
И упала в криницу.
Потемнела в кринице вода.
Заворднл
Сердечные круги.
А когда
Успокоилась гладь,
Напевашине с севера выюги
Не смогли ее в лед заковать.

И чем больше
Морозы серчалн,
Тем сильнее кипела вода.
Говорят,
Ее грола лучамн
Та
Увавшая с неба
Звезда.
Мне бы так:
Зачлчтаться над полем,
Закружиться,
Сорваться,
Упасть,

Чтобы кровью моею
И болью
Прозвенела
Горьбонная страсть.
Чтоб ударила родинка,
Чтобы члстая,
Запела,
Шумела вода...
И пускай
Над омышей криницею
Молочная
Восхорит звезда.

То ли песня, то ли байка,
То ли смч летит в дупло,
То ли русской балабайе
Звучи щемлящн донесло.
Все кругом бело и просто,
И до звезд рукой подать.
По снегам и во морозцу
Далеко шаги слышат.
Речка свежая, поно срыва,
В колхозе кино стоиби.
Как бы выслать всю правду
Относительно судьбы!
Как узнать и где подслушать
Добрый теплый голос...
Но молчат мои кукушки,
Свят горюшество леса.
Только слышно там, далеко,
Все штурмует параван,
Глади в ночь безумным оном,
Запутавший самосвал.

Море в песках

Мы шли к нему,
И мы к нему привнчлн...
И все же,
Ожиданно вопрен,
Оно не появилось,
А возникло,
Возмало,
Подняв багровые пески.
Исчлзло все:
Пески и саксаулы —
Скитались солнце
С обожженными плеч.
Оглошнше
От голубого гула,
Мы потеряли зрение
и речь.
И, как слепые,
Запрокнува лица,
Мы жарким теплом
Раздвнгалн глубь,
Под купол неба
Раненою птицей
Высокий стон
Сорвался с вышит губ,
И только после
Мы смогли заметить,
Что чуть правее,
Плача и смеясь,
Играли с морем
маленькие дети,
Сухились сети,
Догнивал баркас.
Улет морей...
Суровый был рыбачий...
Вот только разве
Над огнем песков
Две линии
электрореродачи
Прошли небо
Строчкой проводов.

Межпогодье

За окном непонятно светится:
То ли дождь,
То ли снег,
То ли град.
И тревожно, наверное,
дрожалется
Топоям у сванннх оград.
Кто-то пещ затопил,
Но бессильная
Над трубною онала струя.
Сторонна моя —
Южная,
Пыльная, —
Межпогодье
Славнолютея,
Зашуметь бы листовой —
Да ослепна.
Отцвела до апреля она.
Раненой душной,
Рылаз,
Сытая,
Прикрывається тучей луна.
От ково она так
Закрывается,
Потемней выбирая платон!
Кот,
Пророка гостой,
Умывается,
И спешу я
На долгий заенок.
Открываю.
Помануется, в комнату.
Я дружим
И товарищам рад...
За окном же
Словоидно смуты:
То ли дождь,
То ли снег,
То ли град...

Рисунки
Владимира БЛАНКМАНА

и снова усавия какой-то неясной мерцание, как будто не хрустальном, а не мельчайшим живым течи. И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он узнавал, что их здесь много, этих анджукских фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно это были призраки неведомых существ.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Олу. — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания, как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провела в обществе Духа, чтобы тутелься ками привидения. Я слишком долго работала со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смутить мысль о существах и силах, неизвестных человеку. И странно, но в то же время и удивительно: она почувствовала, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Ол.

Максвелл кивнул.

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Ол, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я попутал, — виновато сказал Ол, — попутал глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По-всякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскалось. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному...

— То есть к необъяснимому, — сказала Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Ол.

— Так считал Коллинг, — сказала Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже ни согласна с ним, но до того, как побывала на хрустальной равнине. Теперь я уже ни в чем не уверена. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса живует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости? Что она тогда предпринимает? Разумеется, она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но предположим, есть причина, которая мешает ей умереть. Предположим, ей надо во то бы то или стало остаться в живых, и она не может позволить себе умереть...

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказала Ол, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знания, что могли контролировать мутации... — Он умолк и посмотрел на Максвеллу. — По-моему, произошло что-то в этом роде!

— Пожалуй, — сказала Максвелла. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Ты сказала: какая-то причина, ради которой необходимо жить. Какую причину, не позволяющую им умереть, заставляющую их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказала Максвелла. — Сведения. Знания. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И думаю, не более десяти

слои дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллионов лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне такими образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кинями, причем каждый слой атома — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитавшись первый слой и принимаясь за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атома — страница, положенная на другие такие же страницы. Каж-

ЭЛЕМЕНТЫ ГОБИЛИНОВ

Клиффорд САЙМАК РОМАН

Продолжение. Начало в «Смене», №№ 18, 19.

— Университетская политика меньше всего заботится о традициях — научных или всех прочих — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом, Кончико, а предположу, вы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако, нравятся ли мне или не нравятся, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Могли бы они найти еще кого-нибудь и могли бы договориться с человеком, который не справился бы с такой задачей. Я ведь не могу сказать, что сам обязательно не справился, но во всяком случае, я предлагаю все уладить. А, кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проводишь, или нет симпатизишь?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать свои накопленные знания.

— Передаст? По-моему, ты говорила о передаче!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знала, в чем именно? Это облегчало бы дело для всех заинтересованных ты с.

— Сами побочный вопрос? Ты с нами разговаривала? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывала — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством твоего рта, отсюда и их тем же способом.

— Но как же ты читала...

— Они дали мне приспособление для этого. Что-то вроде защитных очков, только очень большие. Дополнительно включены штучка. Наверное, в ней скрыта возможность всяких механизмов. В этих очках я свободно читаю таблицы. Не писемна, а крошечные закорючки в металле. Это трудно прочитать. Но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружила, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали... а если ты подходишь слово чиняться? Ну, вначале я пыталась попросить отпустить меня с этих досок. А когда я отвечала, еще одно приспособление, прикрепленное к моему ошейнику, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Материализовались ли они? Оп.

— Да, пожалуй. И двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такую прибор — сказала Оп. — Говоря «мы», я имею в виду только себя, а не других. У меня в своем уме не только Земля, но и всего того, что тутку именуются известной частью вселенной.

— Да, я знаю.

— А у тебя ребит он есть. У твоих привратников. Они есть у всех, они много всякой всячины. — ответила Максвелла. — И я мимолетно тебе ведала. Я позналаكم лишь с некоторыми образчиками, которые выбирала нутра. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказала Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезд?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Когда звезда там есть, насколько я помню, но с вероятностью она не ведала. Звезда в том, что ведала для них не обязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Твоя «удай-удай» — спросил Оп. — Ты, как раз искал доказательства, а потом снова изрывается и так далее?

— Правильно, — сказала Максвелла. — И теперь мы можем больше уже не ломать над ней голову. Они соответствуют действительности. Хрустальные планеты — это частная асимметричная, судящаяся до того, как возникла наша вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобраться. Они знают, что наступит момент, когда их вселенная, который станет смертным часом и для них, все равно, что для какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и выкачивали галактике ее запасы... Не спрашивай меня, как и откуда они создавали и как они жили.

— Но во всяком случае, она входила в самое вещество их планеты, и потому, когда все остальные вселенная сплунда в черноте и смерти, они продолжали распылять энергию. Они создали планеты в оболочку, прообразная ее в свое жилище.

— Они сконструировали двигатели, которые превратили их планеты в независимое тело, несущееся в пространстве, посуяно подвигаясь их воле. И до того, как мертвая материя их вселенной начала стигаться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившись в черной мертвой углы, и отправившись в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор... обитатели прежнего мира на планете-космосете. Они ведали, как победить их вселенная, предшествующая нашей. Они оставили один в пространстве, а котором не было ни одного намека на жизнь, ни единого проблеска света, ни единого бытия энергии. Вероятно — точно я не знаю... они наблюдали образование нового космического ядра. Они могли находиться в непосредственном путешествии, но все-таки его ведали. А в этом случае они ведали и зреть, положивший начало вселенной, в которой теперь обитает мы, — ослепляющий светом, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они ведали, как зародиться первые звезды, они ведали, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправлялись в эту новую вселенную. Они могли посетить любые галактики, обращаться по орбите вокруг любой приглянувшейся им звезды, а потом улетать дальше. Они были межгалактическими путешественниками. Но теперь же конец ведале. Они могли улететь, но еще на планете, куда как машины, снабженные ее энергией, работают по прежнему. Наверное, на планеты тоже существуют свои пределы, но до него еще далеко. Однако сами они как существа, которые ведали, они могли хранить в своем архиве мудрость всего вселенной.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормotal Оп. — Пятьдесят миллиардов лет! —
— По меньшей мере, — сказала Максвелла. — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше. Они умоляли, пытались охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Стоя в овал, они не ведали и до того шепта. Идиллика доносилась бур вырванных консерваторов, отсчитывающих время.

9

Максвелла проснулась оттого, что Оп тряс его за плечо.
— Тут тебе жалуют видеть!
Соревн одела, Максвелла спустила ноги с кровати, чтобы начать надупать ботинки. Он сунул их ему в руку.
— А кто?
— Говорит, что Лонгфелло. Отвратный, наудалый тип. Он даже старушка. Явно боится войти в жилищи из оминых смехеициеи.
— Ну, так пусть уберется к черту! — объявила Максвелла и погналась за одеялом.
— Нет-нет, — зарпостовал Оп. — Мне это не трогает. Я выше оскорблений. Чинять я на него толку.

Максвелла влез в ботинки, сунул ноги в ботинки и пригнулся.
— А кто он такой?
— Не имею ни малейшего понятия, — ответила Оп. — Он там меряет шаг за шагом. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изныла.
Едва увидела Максвелла в дверях, он бросился к нему с протннутой рукой.

— Профессор Максвелла! — воскликнула она. — Как я рада, что отпустил вас. Это было реально. Но мне казалось, что я, возможно, не знаю, где вы здесь... Он посмотрел на жилищи, и его диванный нос чуть-чуть сморщился. — И я ринскал.

— Оп-оп, — спохватился сказал Максвелла, — мой старший и близкий друг.

— Может быть, прогуляете немногю — предложила Лонгфелло. — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах да! Конечно же, нет!

— Если бы вы знали, что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — похолодно проинформировала его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанция. Откройте, откажи, провозглаш, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, как вышло усудалю. Лично с секретарем ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказала Максвелла. — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло кивнул головой.

— Могу сразу же сказать, что это невозможно. — Невозможно! — повторила Максвелла. — Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если бы вы знали, что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — похолодно проинформировала его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанция. Откройте, откажи, провозглаш, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

лий металлический лист. Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Он поспешно поднял банку, сделал гигантский глоток, распекаясь самогон по волосам груди, и шумно задыхался.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы, — сказала Максвелла. — Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не перемрут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили мне продать их запасы знаний.

— Продаст? Кучка привратников, динивших на аланды? Кто им может понравиться? Какую цену они просят?

Максвелла подняла руку и вытер внезапно всплоснеший обод.

— Не знаю, — сказала она. — Не знаю! Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просят?

— Они сказали, что еще свиснут со мной. Они сказали, чтобы и узнала, кто это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хороший способ заключать деловые сделки! — с отращением сказала Оп.

— Да, конечно, — согласилась Максвелла.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломаю над эти толковы, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная информация. И хоть убей, я не могу себе представить, в чем они могут нуждаться.

— Во всяком случае, — заметила Оп — они знали, где искать доказательства. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки, — сказала Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смелостворным. Если про него проведут срестна массовой информации или проведут любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ведь если они, несмотря на ослуху, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется, то не исключено, так как я действую вселенно, хотолать они будут по всей вселенной, до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду, а мне, и...

— Случись это в другое время, — внезапно заявила Оп. — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольда и без того ташут на кантеле. Когда он переведет ректорат из Нью-Йорка в этот запятанный городишко...

— Знаменитый своим замечательными научными традициями, — перебила Максвелла.

Иван Купцов

Портрета смотрит лицо незрелого человека. Перед нами, несомненно, артистическая натура, с выразительными, тонкими пальцами, незанесенной посадкой головы, а главное — со взглядом, способным безмолвно передавать будущую в душе страсть, холодные меткие мысли, молниями пронизывающие ум.

Портрет привлекает зачепленным в нем единством спойности и трюфли, зыбы и нежности, силы и бессилия. Он показывает человека, который вспоминает о прошлом, оценивает настоящее, заглядывает в будущее.

«Автопортрет» Карла Брюллова хочется сравнить с симфонией. А ее «первую часть» выразить словами знаменитой «Элегии» Пушкина: «Мой путь уму. Сунул мне труд и горе грядущее волнующее море».

Однако у Пушкина далее мы слышим нечто иное:

Но не хочу, о други, умирать. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать: Кровей мне столько дано, чтоб между горестей, злостей и тревожений, Неповторимых слезам обаяньем, И момент быть — на мой закят Блеснет любовью прощальная.

В «Автопортрете» Брюллова эта вторая, прощальная, часть не слышна. В выражении полуоткрытых губ, в наизощренном беспорядке золотистых волос, в сиянии атласа подкуки, правды, еще являет чувство возмущения — гармонии, красоты жизни. Но знаменательно беснует жест иссохшей руки, а в складках переносицы лежат неугомонные тени. Перед нами мужественно-печальное прощание с прошлым — без надежды на грядущие наслаждения. И если в этом прощании есть мощь — мощь таланта, собственною подвешенного итогов своей судьбы, как подводит его веки, то мощь неопытного юноши, которому сам предначертано быть для себя последний.

Карл Брюллов (1799—1852) рано познал славу. Его жизненный путь начинался стремительно и прямо — кажется, прямо в бесмертие. Будущему миру любителей живописи все удавалось с детства. Единственным оборотом его ранней поры, скажам, была затрепанная, полученная от тивольного родителя и сделавшая будто быда гудовича, а так, а так, а так. Окончив в 1821 году Императорскую Академию художеств с Большой золотой медалью, Брюллов получил возможность отправиться за счет помещичьего общества в Италию для совершенствования в искусствах. Почти пятнадцать лет провел он в «благородном странствии» в то же время терпяла мировой загадкой славына человека Александр Брюллов.

В Италии Брюллов воспеял солнечную красоту юга, ленивостью молодых женщин, зачеплять простодольно, забавляющихся с детьми у кромки ленивого прибоя. Милкая дружность тел, игра солнечных лучей на гроздьях винограда, зинцы атласа — все это было чистым и зосторженным несомнением волно живущего молодого сердца. Но ум художника волновал и иные идеи, иные переживания. В Италии он написал картину «Последний день Помпеи», запечатлелую драму разорванного общества перед лицом неизбежной трагедии. Разные достоинства увидели в полите Брюллова современники, о его смысле спорят и сейчас, но никогда и никого оно не оставляет равнодушным.

В Петербурге Брюллова встретили восторженно. О знакомстве с ним сообщил в стубо личном письме Пушкин, его боготворил Гоголь, пишавший, что «Последний день Помпеи» — светловосмерение русской живописи, пребывавшей доселе в каком-то полутрагическом состоянии.

Достижения русской живописи XVIII века в то время стали как бы достоянием прошлого. Портреты, написанные Рокотовым, Лепишиным, Воронихиным, представляли собой темные фантазии, фальшивых усадьб знаменитых Петербургская художественная публичка их попросту не знала. Где-то валил, в тиши, творил свои потусторонние сложные фантазии Венецианом. Но на глава попадались лишь то, что выставлялось на вернисажах в рутинной Императорской Академии художеств. Бывая на них, анатоки, часто сдвигая за грануцу, лишь заявили по поводу русской «доморошенищности», хотя некоторые истинные печальки живописи (например, порт Ватюшкова) писали статьи, пытавшиеся содействовать развитию подлинных отечественных талантов.

Брюллов явился как гений, о котором современники лишь мечтали, ожидали с нетерпением. Карл не только не уступал признаниям зарубежным художникам в достоинствах техники письма, почитавшихся тогда совершенствами. Он восстановил связь с традицией русской живописи, вновь привнес в изобразительное искусство восторг поэтической души, возвышенную энергию художественного таланта. Он был подлинным творцом, изобретая новые цветовые сочетания, композиции, раскрывавшие светлым мир мечтаний, пропавших в трагическом прошлом. Вначале мнение зрителей было единодушным. Творчество Брюллова подорожало всех. Как и его обаяние, так и подлинная глубина. Вначале сравнивали с прихотливыми римскими императорами и вольностями любимицы Екатерины Второй.

Живописцы стали называть не иначе, как «Карл Великий». Он был в моде, на волне успеха, он писал заказные портреты, запечатлевая облик близких людей. Не будучи берпом, он тем не менее совершенно искренне содействовал выкупу на крепостной неволи Тараса Шевченко, протянул руку дружбы Павлу Федотову — оставшему офицеру, посвятившему себя живописи. Между тем оригинальные крути нильского режима ожидали от отечественного гения исправной службы на поприще прославления «самодержавия, православия, народности». Брюллов брался за гигантские композиции, но вдохновение не посещало его, он мучился, хандрил, рвался обратно в Италию и вновь возвращался к картонам росписи Исааковского собора, которые — знал — никогда толком не окончит, но станет новоявленным Рафаэлем. В 1848 году он и в 1849 году «Великого Карла» что-то непонравилось надомилось. И он сам себе в этом сознался — прежде всего в «Автопортрете», написанном в 1848 году. Внепрета еще были почти четыре года жизни и такая подлинная удача, как портрет арлового Личи, но этот жизни был уже подведен раэ и навсегда соботенной рукой мастера.

Что же все-таки случилось с Брюлловым? Отвечая этот вопрос в какой-то мере даже первая редакция повести Гоголя «Портрет». Перед «Великим Карлом» неизменно ставалась сложнейшая творческо-моральная проблема: как фантазировать, чтобы литься заваячку. Возвращения может возвышаться в определенных условиях. Нельзя бесконечно воспевать бездарное, обыкновенное, не терпя внутреннего нравственного урона. Брюллов был слишком чист, чтобы не чувствовать духовно, прунравившая день его для того, то другое вельможное лицо. Он понимал, что сам разрушит свой талант. А выход из создавшейся ситуации не видел.

...Даже среди мнотих замечательных произведений, хранившихся в Третьяковской галерее, «Автопортрет» Брюллова выделяется особыми частями — и психологическим и красотой колорита. Впрочем, в этой работе, как и в каждом подлинном создании искусства, невозможно выразительности цвета отделить от выразительности мысли и чувств. «Автопортрет» поражает могучим символическим теплым и холодным тоном, создающих красочную волну, золотых и пурпурных оттенков, значимое живописное пространство. Пылающие красно-золотые краски как бы перелопот внутреннее аккорды и полифоническое красное и золотое словно подернуто пепельной дымой.

Мир отчужденно замкнут в самом

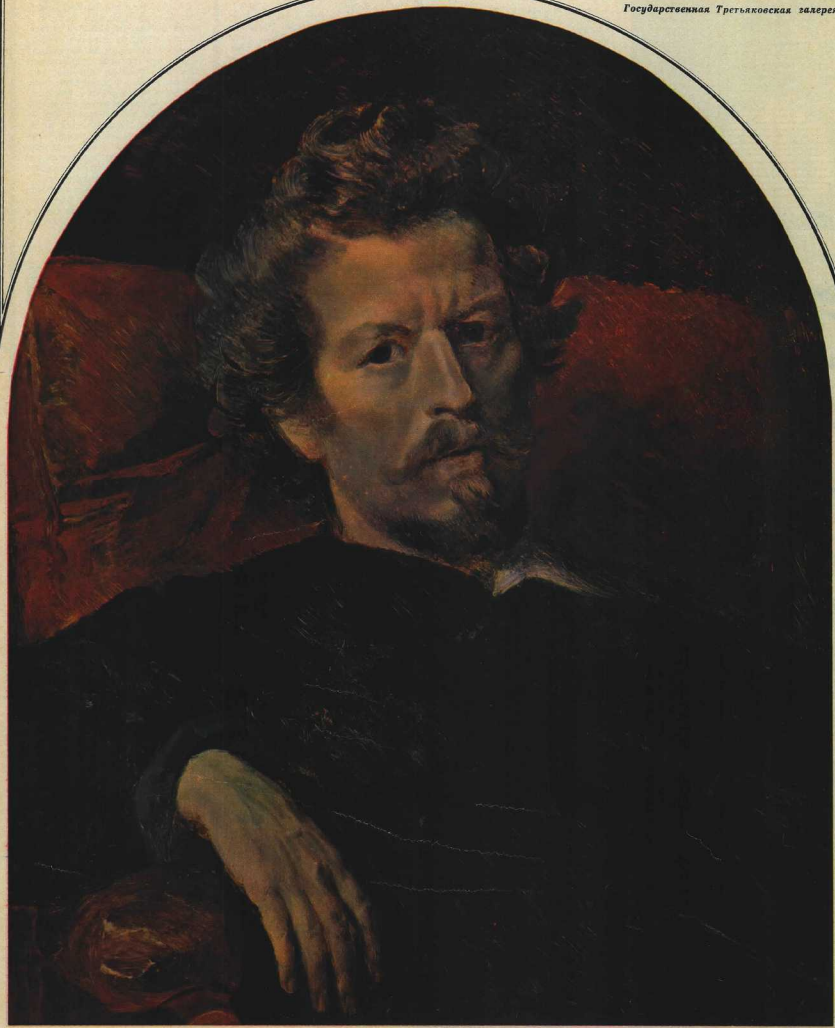
себе и одновременно раздвоен в образе «Автопортрета», который своими очертаниями напоминает силу трюфальных воров. Кажется, что возмущенная над землей громадинка похвастается, оставшись шедше с вечностью. Трюфаль остался в прошлом, ища, как уловить живущие клки толпы. И ныне лишь ветер стонет в овальном проеме...

И вот в этом проеме вновь возникает сложное лицо, окуная взгляд, обращенный к самому себе. В чей же магия портрета, сила и тайна его воздействия на зрителя? Кажется бы, что: сила портрета в сходстве с натурой. Но послушаем, что пишет Александр Герцен, немудро прочитав портрет Брюллова, в письме от 18 сентября 1858 года: «Трюфель делает мой бюст: вот сходство-то: стыдно смотреть, так хочется поднести абсину с содовой водой». Проходя мимо иного портрета на современной выставке, порой хочется сказать Брюллову: «Прощай до ЦУМА, настолько реально и живо изображенное лицо. У «Автопортрета» Брюллова такого не происходит, ему не захочется (внутренне не позволено) «поднести абсину с содовой». Воздействие его на зрителя и диалог с ним, особенно, натуралистическом рода. В этом произведении в конкретном эпизоде зачепляется оплот человеческих чувств, далеко переходящий границы сюжета — большой художник смотрит на себя в зеркало. И чтобы такое осуществлялось, потребовались все сложные друг с другом компоненты духовного образа: символизм цвета и светового, композиция, «досадка» фигуры, выразительность взгляда и другие изобразительно-выразительные компоненты, включая анализ и верх. Умозрительный воспитанный взгляд «читает» все эти художественные слова, выстраиваясь в предложение, абзацы, главы, в живописный роман. И подобно тому, как прочитав настоящую художественную прозу, мы мысленно возвращаемся в построенное писателем здание, проходим по коридорам и залам, заново узнавая и сопоставляя героев и ситуации.

И в живописи лишь длительное рассмотрение позволяет углубиться в образ, постоянно ощущать свежесть и новизну его воздействия. «Автопортрет» Карла Брюллова принадлежит к шедеврам русской живописи, заключающим в себе возможность такого рассмотрения. Справка искусствоведа и историка живописи, а также искусствовед, зрительно открыт для себя карлу Брюллову, но все же основные усилия он должен приложить сам.

Карл БРЮЛЛОВ. «Автопортрет». Масло. 1848 год.
Государственная Третьяковская галерея.

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. БЕЗРАБОТНЫЕ
В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
2. ДЕТИ-НЕВОЛЬНИКИ
3. СВАСТИКА
НА «ЗЕЛЕНОМ
КОНТИНЕНТЕ»
4. ЦЕНА НАДЕЖДЫ
5. СЕЙСМОЛОГИ
ВСТРЕВОЖЕНЫ
6. ФОТОПРАДЕДУШКА
7. ЗМЕИНАЯ СТРАЖА
8. КОМПЬЮТЕР
НА СЛУЖБЕ МАГИИ
9. ОБЕЗЬЯНЫ-
ШКОЛЬНИКИ
10. У КАЖДОГО
СВОЙ ДВОЙНИК...

1.

Сто тысяч французов в возрасте от 16 до 24 лет принадлежат к армии официально зарегистрированных безработных. Если же учесть тех, кто не зарегистрирован, то эта армия по меньшей мере удвоится.

Составляя пятую часть всех затрат на производство французам, молодое поколение указанного возраста насчитывает в своих рядах 33 процента безработных. Один из трех — это весьма тревожащее соотношение. Причем в некоторых департаментах (например, Па-де-Кале) процент безработных достигает 40.

Причин тому несколько. Во-первых, демографическая. Если по переписи 1962 года во Франции насчитывалось 2,9 миллиона рабочих в возрасте от 15 до 24 лет, то по переписи 1969 года — уже на миллион больше. Но куда более важной причиной безработицы среди молодежи является то, что почти половина молодых французов, ищущих работу, не получила в средней школе никакой профессиональной подготовки. Получается печальный парадокс: в городе Сент-Этьен, например, биржа труда зарегистрировала 1 200 безработных моложе 25 лет, а в то же время на местных заводах фирмы «Крезо» — более ста вакантных мест (открывать же профессиональные школы фирме невыгодно).

«ЭНСПРЕС», ФРАНЦИЯ

2.

Из шести с половиной миллионов итальянцев в возрасте от шести до пятнадцати лет 600 тысяч не посещают школу: они вынуждены работать, хотя официально детский труд в стране запрещен.

Дети тысяч ребячишек трудятся в сельском хозяйстве лишь за пищу и крышу над головой; иногда им получают оплату труда натурой — килограмм муки в день. Другие работают на мелких предприятиях, прислуживают в богатых домах, в ресторанах, гостиницах. В городке Альтамура (провинция Бари) существует даже «детский рынок», функционирующий в августе каждого года.

Не случайно столь высокий уровень производственного травматизма, и нередко смертельные случаи среди такой категории рабочих. Смерть 12-летнего Франческо Мариано, учащегося со строительных лесов, или 10-летнего Антонио Скалини, выпавшего из грузового автомобиля, или судьба 10-летнего Нино Коломбо, которому стамком отограло руку, — далеко не единичные происшествия.

Полнейшие инспекторы, рассматривающие подобные случаи, признают, что причиной этого явления следует считать ужасающую нищету и безработицу, а также тот факт, что родители считают благотелями, а не эксплуататорами тех, кто дает их детям хоть какую-нибудь работу.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

3.

Австралийские фашисты не намерены маскировать даже свой вешний вид иzapлоносят сва-

стику на рукаве серой униформы. Деятельность их столь же вызывающая. К примеру, они открыто поддерживают политику апартеида, которую за много тысяч километров от Австралии проводит южноафриканские расисты. Поддержка эта выражается и в том, что расплачивались наци «зеленого континента» готовы у себя дома подышать всех тех, кому испанщина расовая сегрегация.

Недавно в Австралию прилетели команды ЮАР по регби и крикету, составленные, конечно же, только из белых. По этому поводу представители прогрессивных профсоюзов и демократического студенчества Австралии устроили в сиднейском аэропорту демонстрацию протеста. Неофашисты ответили вооруженным нападением на демонстрантов, без всякого стеснения скандируя гитлеровские лозунги.

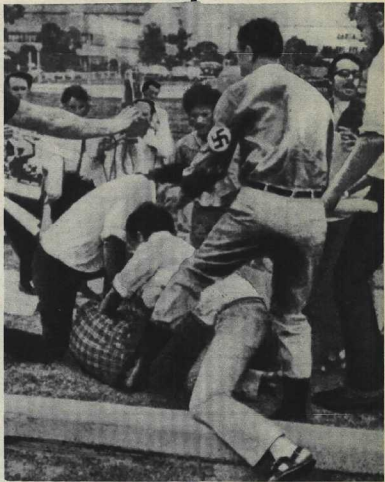
«ПО СВЕТА», БОЛГАРИЯ

Пекином через Маньшу, постоянно использует этот канал, ежедневно жадно китайцам «доброго утра».

Руководители корпораций возлагают большие надежды на визит в Китай президента Никсона. В официальных кругах считают, что во время визита в Китай по воздуху будет перепрошена портативная наземная станция, которая даст американским теледистам возможность через спутник связи непосредственно наблюдать за поездкой президента. Считается, что китайцы могут подкупиться к системе связи через спутники «Интелсат». Высокоскоростные также пожелания продлить до Китая кабель, который соединит западное побережье США с Вьетнамом.

Руководители американских компаний уверены, что рано или поздно китайцы ответят на все эти предложения: «США не упустят подходящего случая...»

«БИЗНЕС УИК», США

4.

«Пробная передача «Американский телефон энд телеграф» из Динкова (штат Калифорния). Пробная передача...»

Каждый вечер с 19 до 23 часов компания «Американский телефон энд телеграф» пытается восстановить связь с Китаем, передавая эти слова на Шанхай. Учитывая, что наземная связь вскоре может потребоваться многими американскими бизнесменам, немало компаний США стремятся установить эти контакты как можно быстрее. «Американский телефон энд телеграф» уже послала письмо в шанхайское управление почт с предложением установить телефонную связь по высококачественному кабелю. Другая компания, «Интернэшнл телефон энд телеграф» урала коммуникайшенз», которая была связана с

5.

Институт географических исследований при министерстве строительства Японии опубликовал факты, которые еще раз подтверждают опасность землетрясения на равнине Кинто, где расположены крупнейшие центры страны — Токи, Иокогама и другие.

Руководитель совета по прогнозированию землетрясений в Японии профессор Хатаяма утверждает, что энергии, накопленной в земных пластах под заливом Сагами (его-завалином Токи), достаточно для того, чтобы вызвать землетрясение силой в семь баллов. «Если бы недавнее лондонское землетрясение (6,4 балла) произошло в Токи, столица Японии была бы до основания разрушена возмозжкими по-жарами», — пишет «Мейнтин».

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

ПАРАД АТТРАКЦИОНОВ

Станислав ТОКАРЕВ

Мирослав МУРАЗОВ (фото)

Аватор испытал в жизни кое-какие острые ощущения. Землетрясение, например, и тихоокеанский тайфун. Он даже достал собственноручно — в кассе! — билет на тот знаменитый, неповторимый, романтический футбольный матч 1948 года ЦДКА — «Динамо», когда судьбу соревнования страны решила одна закруженная в эстафе Вадим Сивяевский, «золотая нога Боброва».

И потому на международную выставку «Аттракцион» в Лос-Анджелесе ЦПКМО имени Горького и Измайловский парк автор шел не без некоторой доли энтузиазма.

Автор честно изобреловал все, что положено посетителю выставки.

На «горах для катания», на этой невероятной эстакаде с непонятным и оттого еще более грозным титулом «Супер-Б» металлическими шарами ветра и стенам, швыряя автор ввиз с десятиметровой высоты и лихо вертел на вращающ...

На автодроме а его пилуэтичн врезался с мазу отважный гоцич лет примерно десяти, а милиция, вместо того чтобы сивать и штрафовать, только поминалась. Она, милиция, нетерпеливо идала официального перерыва в работе автодрома, чтобы самок покататься — в неофициальной порядке.

Безобидная вроде бы карусель «Хали-гали» вдруг, продолжая стремительный бег, всея плоскостью необыкновенно иставала на ребро...

ДУХ ЗАМИРАЕТ У ПАССАЖИРОВ, КОГДА МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ СПАРАД УСТРЕМИТЕЛЬ ВВИЗ С ОУРОМНОЙ ЭСТАКАДЕ НА ГОРАХ ДЛЯ КАТАНИЯ, ВЕСЕЛО И ЖУТКОВАТО И НА РАЗНООБРАЗНЫХ КАРУСЕЛЯХ И НА АВТОДРОМЕ — СЛОВОМ, НА ВСЕХ АТТРАКЦИОНАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ.

А «Музыкальный экспресс», распевая по дороге невнятные идиотии, точно в детской игре испещрял-попыхлял по кочанам, по кочанам — бух — вма! — выпрысал душу из пассажиров...

Космуда автор, впрочем, не пустился дослову рисовать он для себе не имел, а сам вышел из детского возраста. И, раздвигаясь черной заставкой, он из-за забора сморгнул как: «Плыва карусель «Космос-1980», а которой вместе с автолюбителями и автобусами участвовали круглые и вельсь искусственные спутники: сядь в него, поводи иголку, и он, подивившись вверх, поплывет над наземными транспортом. Так в стиле детских рисунков представили изобретатели населению двухтысячелетний космический год: вину машины сдут, звезду спутники летят...

...чудовищный змея «Крейзи Каа» бежал по рельсам и тащил на себя мальчишки, и был он вовсе не крейзи, не бешеный, этот иллиполюговский Каа, исполнивший питон, а смешной и добрый, с глазами-пешками, длинными усами и в клоуновском колпаке...

И после нескольких часов, проведенных среди образцов индустрии развлечения, которые представили на

выставку более сорока фирм Англии, Бельгии, Италии, ФРГ, Финляндии, Франции и других стран, автор наконец лишился своего взрослого скепсиса, а взамен, закуренный и замороченный, преспокоился радости, борзости и азарта.

Но тут возникают и другие мысли, навеянные отчасти фразой, которую я случайно услышал.

— А теперь, мам! — сказал некий остроумный мальчик — давай поднимемся на «чертовом колесе» и посмотрим, где очередь за мороженым меньше.

Фразу можно трактовать двояко. С одной стороны, действительно индустрия развлечений требует и определенных усилий «пищевой индустрии». Человек, решивший посвятить выходной путешествию по чужой осветительному и озвучивающему миру, хочет получить в перерывах в зависимости от возраста: эскимо, газированную воду с сахаром, ледяных петухов на палочках, бутерброды, шашлык, пиво, наконец. Притом в количествах больших, нежели могли ему это предложить ЦПКЮ и Издательство. Народу на выставке было огромное количество [по скромным подсчетам, 180 тысяч в день], а очереди за едой и питьем оказывались почти равны очереди к кассам аттракционов. Как говорится, «без питания нет катания»: многие аттракционы останутся у нас, значит, и вопрос о пище телесной, подкрепляющей пищу духовную, с повестью дня не снят.

Но процитированный мною мальчуган остроумец имел, очевидно, в виду еще и то, что наше старое доброе колесо обозрения («чертовое колесо» — так сказать, двачья фамилия) при всем своем огромном росте на фоне выставки выглядело случайно. И беспротестные тети — тоже. И при наличии «комнаты неожиданностей», где вы, не двигаясь с места, узнаете в тайну, в жутковатую неизвестность (чисто световой эффект, но настолько убедительный!), забываются чары «комнаты смеяха», основанные, в сущности, на брже зрительных иллюзий.

Мил вот небесстрашный рейс по вертикальной стене под руководством и при участии Игоря Иванова, режиссированый нынешним летом в ЦПКЮ. Ужас неже бог ставить под сомнение это захватывающее зрелище и мужество его участников. Но зрителю хочется не только созерцать. Хочется и самому иногда испытать на миг, как леденят кровь в жилах, взвизгнуть, как говорится, от души и, на нетвердых еще ногах сходя с иресла на верусли «Алм-гали», уважительно подумать про себя, что ты, несмотря на возраст, шаткую профессию и сядячий образ жизни, тоже способен совершить свой Бесстрашный рейс.

Есть в этом, конечно, что-то детское. Однако не задумывались ли вы, стоя в очереди у касс аттракциона, что амет нас и нему? Детей — понятно, но то они и дети, чтобы играть в летчиков и космонавтов, и тут для

ЗАЯТКИ ЧЕТВЕРТОЕ

Неприменным членом любого спортивного коллектива наряду с тренерами и врачами являются массажисты — человек, чье искусство восстанавливает силы спортсменов, заливает ушибы и синяки. Наверное, известное выражение «усталость как рукой сняло» ведет свое происхождение именно от этого «ручного врачевания», пришедшего и нам из глубокой древности.

У массажа, как и у многих других средств народной медицины, нет ни точной даты рождения, ни автора, но первыми письменными свидетельствами, упоминающими этот способ врачевания, считаются китайская книга «Ичюаньфу» (3000 лет до н. э.) и индийская «Веда» (1800 лет до н. э.).

В Древней Индии священники касты браминне пользовались всеобщим почетом и уважением именно за то, что могли лечить различные заболевания «своих чужеземных слуг» — массажа.

В Индии массажем делалась так: «кто хочет массироваться, kommt на алтарь» — и впрямую оператор расправлялся с его иончестями, как будто он месит тесто, затем он слегка подползает лежащего вперед спиной, опирается на ладони, растягивает и заканчивает движениями всех суставов, заставляя их хрустеть».

Искусство массажа было хорошо известно египтянам, древним грекам и римлянам.

А вот свидетельство более позднего времени, принадлежащее известному русскому путешественнику Н. Н. Минюлову-Мазову, побывавшему в Новом Ганнее: «Девочка подошла ко мне и, сказав обоим русским мою голову, стала скрывать ее периодически всю себя, яли я престоивши свою голову в полумесяце ее расширения. Она делала это в расстиране коими головы давая пальцами... Ощущение было приятное: я при этом извлекла приятную чувствую боль».

Великолепное описание восточного массажа оставил нам А. С. Пушкин, посещавший в детстве своей поездки на Кавказ тифлисские бани: «...Гасила махала с того, что различия между массажными полами, после чего начал он ломать мне члены, вытягивать суставы, бить меня силой иголками, и не чувствовал ни малейшего из удивительного облегчения. (Знающие баниши приходят иногда в восторг, выпрыгивают или на плечи, сгибают ноги на бедрах и пляшут по спине в присядку)».

Словом, массаж во все времена применялся не только как лечебное средство, он был важной составной частью личной гигиены, и, главным образом, оказывали тонизирующее действие на организм. И нет ничего удивительного в том, что в наше время искусство массажа выросло в самостоятельную научную дисциплину, о нем написано немало число книг и статей. Однако, несмотря на такую популярность, очень сложно найти литературу, по которой можно было бы научиться массажным приемам. Потому мы решили посвятить первое издание «Ступени массажа» — «Содружественного массажа», вернее, самомассажа: ведь большинство занимающихся не имеют возможности обратиться за помощью к специалисту и должны полагаться на собственные силы.

Самомассаж оказывает положительное воздействие на кожу, мышцы, суставную и связывающую аппаратуру, сердечно-сосудистую систему, нервную систему. Под его воздействием улучшается выделительная функция кожи, повышается ее температура. Самомассаж способствует ускорению оттока венозной крови и специальной межклеточной жидкости — лимфы, расширение капиллярных сосудов, а все это обеспечивает хорошую работу сердца. Первая обязанность массажиста — работу людям, самомассаж положительно связывается на индивидуальность организма человека. А делать его нетрудно в любых условиях, да и времени он требует очень мало, так как приемы самомассажа просты.

ПОШЕСТЬ ОСНОВНЫХ ПРИЕМОМ САМОМАССАЖА

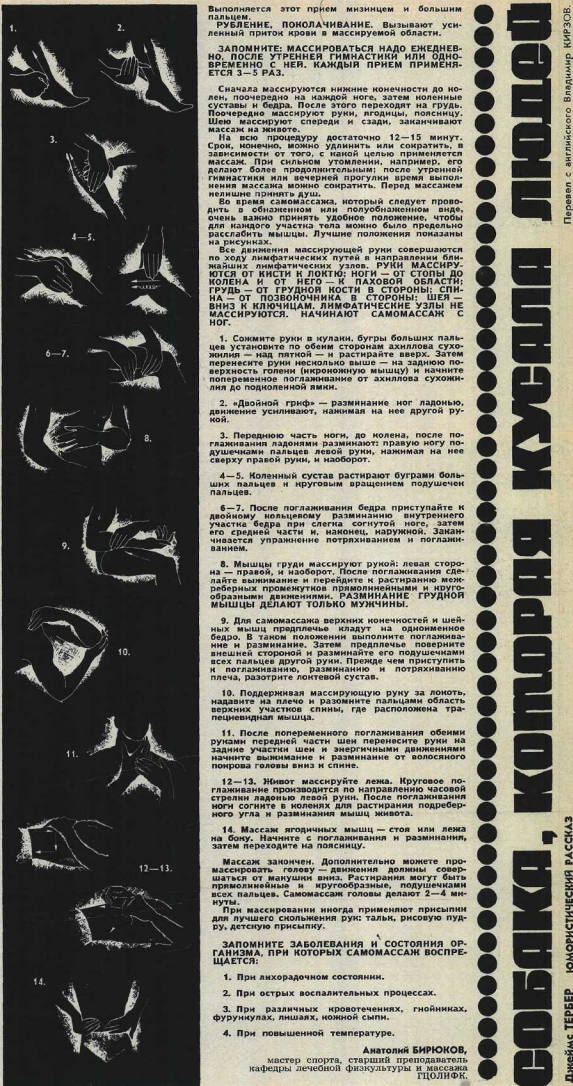
ПОГЛАЖИВАНИЕ. Ускоряет движение крови и лимфы. Проводится от медленно, легко, одной или двумя ладонями, ладонью, прижимаясь к коже. Руки движутся в направлении от головы к ногам, в круговом (поперечном) направлении, по коленям, суставам и к животу.

РАСТЯЖЕНИЕ. Производится энергично, чаще всего на суставах. Руки могут двигаться как прямолинейно, так и круговобразно. Выполняется поочередно пальцами.

ВЫЖИМАНИЕ. Похоже на поглаживание, только со значительным давлением — основной эффект заключается на бугор большого пальца и основание ладони. Этот прием действует не только на мышечный и подкожный слои, но и на поверхностные мышцы тела.

РАЗМИНАНИЕ. Основной прием в самомассаже. Он вызывает энергичное сокращение мышц благодаря тому, что мышцы оказываются между двумя ладонями (пальцы массирующей руки выпрямлены). Большой палец одной руки находится на внутреннем, а другой — на наружном четырех пальцах другой, а они, в свою очередь, движутся и болтаются.

ПОТЯГИВАНИЕ. Делается в области крупных мышц: икроножной, на бедре, лодыжках и плече.

Выполняется этот прием мизинцем и большим пальцами. **РУБЛЕНИЕ, ПОКОЛАЧИВАНИЕ.** Вызывают усиленный приток крови в массируемую область.

ЗАПОМНИТЕ: МАССИРОВАТЬСЯ НАДО ЕЖЕДНЕВНО ПОСЛЕ УТРАЧЕННОЙ ГИМНАСТИКИ ИЛИ ОДНОВРЕМЕННО С НЕЙ. КАЖДЫЙ ПРИЕМ ПРИМЕНЯЕТСЯ 3—5 РАЗ.

Сначала массируются нижние конечности до колен, поочередно на каждой ноге, затем икроножные суставы и бедра. После этого переходят на грудь. Поочередно массируют руки, лодыжки, лодыжки. Шею массируют спереди и сзади, заканчивают массаж на животе.

На всю процедуру достаточно 12—15 минут. Срок, конечно, можно удлинить или сократить, в зависимости от того, с какой целью применяется массаж. При сильном утомлении, например, его делают более продолжительным, после утренней гимнастики или вечерней прогулки время выполнения массажа можно сократить. Перед массажем лучше принять душ.

Во время массажа, который следует проводить в обиходной или спортивной обстановке, очень важно принять удобное положение, чтобы для каждого участка тела можно было правдо расправить мышцы. Лучшие положения показаны на рисунках.

Все движения массирующей руки совершаются по ходу лимфатических путей в направлении ближайших лимфатических узлов. РУКИ МАССИРУЮТСЯ ОТ КИСТИ К ПЯТКАМ; НОГИ — ОТ СТОПЫ ДО КОЛЕНА И ОТ КОЛЕНА ДО ПАХОВОЙ ОБЛАСТИ; ГРУДЬ — ОТ ГРУДНОЙ КОСТИ В СТОРОНЫ; СПИНА — ОТ ПОЗОНИЧНИКА В СТОРОНЫ; ШЕЯ — ОТ ШИШКИ И ПЛОЧАТКА ДИФРАКЦИИ ХЛДН К МАСЖИРУЮЩИМ. НАЧИНАЮТ САМОМАССАЖ С НОГ.

1. Сократите руки в кулаки, бугры больших пальцев установите по обеим сторонам ахиллова сухожилия — над пяткой — и растиравте вверх. Затем вернитесь к рукам, несильно надавите на поверхность голени (икроножную мышцу) и нажмите сверху, постепенно переходя от ахиллова сухожилия до подколенной ямки.

2. «Двойной гриф» — разминание ног ладонью, движение усиливают, нажимая на нее другой рукой.

3. Переднюю часть ноги, до колена, после поглаживания ладонями разминают: правую ногу — подушками пальцев левой руки, нажимая на нее сверху правой рукой, и наоборот.

4—5. Колыбельный сустав растирают буграми больших пальцев и круговым вращением поочередно пальцев.

6—7. После поглаживания бедра приступайте к двойному кольцевому разминанию на одинаковом участке бедра при слегка согнутой ноге, затем его среднюю часть. Поглаживание и заканчивается управленно потиранием и поглаживанием.

8. Мышцы груди массируют рукой: левой стороной — правой, и наоборот. После поглаживания делают выжимание и перебирают в радиусе межреберных промежутков, надавливая на круговыми движениями. РАЗМИНАНИЕ ГРУДНОЙ МЫШЦЫ ДЕЛАЮТ ТОЛЬКО МУЖЧИНЫ.

9. Для самомассажа верхних конечностей и шейных мышц предплечья и плеча, а также плечевого сустава, в таком положении выполните поглаживание и разминание. Затем предплечья и плечевые суставы разминайте его подушками обеих пальцев другой руки. Прежде чем приступить к поглаживанию, разминанию и потиранию плеча, разотрите лопаточную сустав.

10. Поддерживая массируемую руку за локоть, надавите на плечо в разнотипные пальцами область верхних конечностей, сжимая ее расположено трапециевидная мышца.

11. После поперечного поглаживания обеих рук в передней и задней части плеча и в задние участки шеи и энергичными движениями нажмите выжимание и разминание от волосного пояса головы вниз и ступни.

12—13. Живот массируйте лемя. Круговое поглаживание производится по направлению часовой стрелки, надавливая ладонью. После этого делают согните в коленях для растяжения подберного угла и разминания мышц живота.

14. Массаж ягодичных мышц — стоя или лежа на боку. Начните с поглаживания и разминания, затем переходите на пощипывание.

Массаж закончен. Дополнительно можете промассировать голову — движения должны совершаться от макушки вниз. Растирание могут быть прямолинейные и круговобразные, поощущением всех пальцев. Самомассаж головы делайте в минуты.

После массажа иногда применяют присыпки для лучшего скольжения рук; так, рисовую пудру, детскую присыпку.

ЗАПОМНИТЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗМА, ПРИ КОТОРЫХ САМОМАССАЖ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

1. При акордочном состоянии.
2. При острых воспалительных процессах.
3. При различных кровотечениях, гноящихся, фурункулах, язвах, гнойной сыпи.
4. При повышенной температуре.

Авторский БИРЮКОВ, мастер спорта, старший преподаватель кафедры лечебной физкультуры и массажа ПДОЛНОВ.

Рисунок Владимира ЮРИЦ

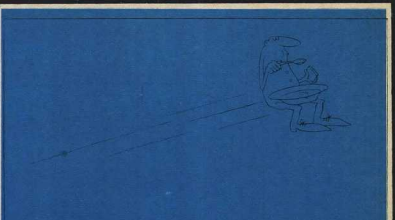

Рисунок Виктора ПЕСИОВА

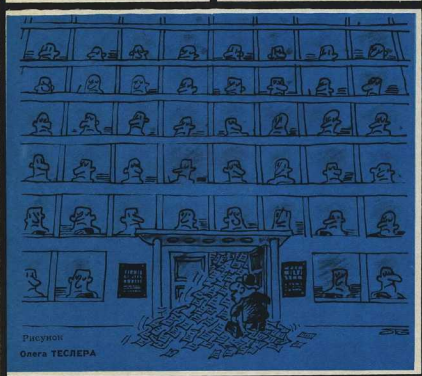

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

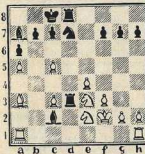
Шахматы

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Уходящий 1971 год оставляет у любителей шахмат добрую память. Он был предельно насыщен крупными соревнованиями — и внутрисоюзными и внутригосударственными. Но, быть может, самое интересное событие шахматной жизни ожидает нас «под занавесом» года, в ноябре — декабре. Речь идет о международном турнире ведущих шахматистов мира и зарубежных гроссмейстеров, который Центросоюз шахматный клуб СССР намерен провести в Москве в память о легендарном русском шахматисте Александре Алехине.

В преддверии Мемориала нам хотелось бы познакомить читателей «Шахмат» с несколькими примерами необычайно яркого комбинационного творчества Александра Алехина, который был чемпионом мира в течение 17 лет (с 1927 по 1935 г. и с 1937 по 1946 г.).

К этой позиции пришла после 20-го хода белых партия Брюшнесей — Алехин на всесоюзном шахматном турнире в Петербурге в 1909 году. Отсутствие на поле «свои» сильнейших фигур — ферзь отъезд не позволило итравшему чемпиону Алехину своевременно провести последнюю атаку на короля. Вначале следует комбинация с жертвой слона.

20. ...Иг7: с5! 21. Кe2 — d4. Принятие испарной жертвы вело к форсированному мату в пять ходов.

21. ...Сd4 — b3 22. Крe2 — e2 23. Сd3 — c3 23. Сa3 — b2 23с: e3 + 1 А теперь жертва качества, которая уничтожает опору расположенного в центре белого короля.

24. Крe2: e3 Кe5 — e6 25. Лh1 — e3 Кe6: d4 26. Крe3 — f4 Сa7 — c5 27. Лa3 — a1 Кd4 — e2 + 28. Крf4 — g4 Сb3 — e6 +. Белые сдались.

Здесь перед вами момент из партии «Родзинкин — Алехин», сыгранной в 1913 году в Париже. На очереди 11-й ход черных, которыми играл Алехин. Ранее ради индифферентности по жертвовал качество. Теперь он на альтернативе атаке смело отдает слона, коня, ладью и азиатский неприятельского короля.

11. ...Сd4: f3! 12. К: f3 Кe6 — d4 13. e2 — d3 Фe4: d3 14. e3: d4 Сf8 — e7! 15. Фa8: h8 Сe7 — h4! Настоящая жертвенная феерия!

Оригинальнейшую шахматную партию сыграл Алехин белыми с Григорьевым в Москве в 1915 году. —

1. e2 — e4 e7 — e6 2. d2 — d4 d7 — d5 3. Кf1 — e3 Кg8 — f6 4. Сd1 — g3 Сf8 — b5, e4 — e5 5. h7 — h6. Разыгран один из острейших вариантов французской защиты.

а. e5: f6 h6: g5 7. f6: g7 Лf6 — g8 8. h2 — h4 e5: f4 9. Фd1 — g4 Сd4 — e7 10. g2 — g3 c7 — c5! Этот контратакующий выпад приводит к головокружительным осложнениям, которые в конце концов сводятся в пользу противника. Лучшее продолжение — 10...Сf6.

11. g3: h4 e5: d4 12. h4 — h5! d4: e3 13. h5 — h6 e3: b2 14. Лa1 — b1 Фd6 — e5 + 15. Крe1 — e2 Фa5: a2 Разговорно удивительно по яркости шахматное сравнение. В ходе которого из прокопанных линиях обеих сторон на доску появляются новые ферзи.

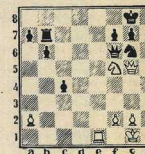
16. h6 — h7! Фa2: h1 17. h7: g8Ф+ Крe6 — d7 18. Фe8: f7 Фb1: e2 + 19. Крe2 — f3 Кd3 — e4! Надо отдать должное сопернику Алехина — в острой ситуации он борется с завидной изобретательностью.

20. Фe4: e6 + Крf7 — e7 21. e7 — f4 + Крf7 — b6 22. Фe6 — e3 + Сe7 — e5 23. g7 — g8 24. e4 — e5. Создается уникальная в шахматной практике ситуация: в игре участвуют 5(и) ферзей (см. диаграмму выше справа).

В этой позиции фантастической позиции белые выигрывают на движении одного из своих трех ферзей. Толщина маневром ладьи 24. Лh1 — h8! с неотвратимой угрозой мата.

Предлагаем читателям «Шахмат» найти одну из остроумных комбинаций Александра Алехина.

Белые начинают и дают мат в четыре хода.

ПРИЗНАНИЕ

Музыка Александра КОЛКЕРА
Слова Кима РЫЖОВА

Ты разлюбил меня бы, что ли,
Не обмань бы мой порог,
Меня бы больше не волонил,
Сном бы клатыя прибреж.

Не для тебя я наряжалась,
Тогда был просто месяц май...
Ах, только жалость, только жалость
Ты за любовь не принимай.

«Ты разлюбил меня бы, что ли...»
Я поговорю, как во сне,
А ты и радости и боли
Несешь доверчив ко мне.

В свои ладони мою руку
Ты согрел и согрелая...
Но только скуку, только скуку
Ты за печаль не принимай.

Ты разлюбил меня бы, что ли.
Сама уйти я не решаю,
Искала б я другую долю,
Да одиночества боюсь.

Забудь мою былую гордость
И обманя не обманяй...
Но никогда мою покорность
Ты за любовь не принимай!

УКРЕПЛЕНИЕ

КРОССВОРД

Составил А. ДОЛЮН,
г. Запорожье

По горизонтали

1. Водное млекопитающее.
2. Пронятый стан.
3. Знаменитый украинский писатель.
4. Датский писатель.
5. Река на Дальнем Востоке.
6. Общее собрание представителей деревня.
7. Самая яркая звезда Северного полушария.
8. Декоративное травянистое растение.
9. Город в Запорожской области.
10. Проход внутри здания.

По вертикали

1. Скульптор, лауреат Ленинской премии.
2. Позиционный заповедный заповедник.
3. Одно из старейших русских поселений на Дальнем Востоке.
4. Вид рыбы.
5. Хиромантия.
6. Садовые новшества.
7. Вид птицы.
8. Вид птицы.
9. Вид птицы.
10. Вид птицы.

11. Народный духовой инструмент.
12. Остров в Ионическом море.
13. Кондитерское изделие.
14. Птица.
15. Синтетическое волокно.
16. Часть света.
17. Русско-дальнее указание высшего органа.
18. Государство в Западной Африке.
19. Подлинник.
20. Медный духовой инструмент.
21. Вершина Главного Кавказского хребта.
22. Промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

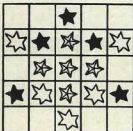
2. Рубка.
6. «Юмантика».
7. Тетерев.
8. Сурдозамера.
12. Алгонда.
14. Сварзель.
15. Куго.
16. Тетонина.
17. Овал.
18. Индонезия.
19. «Кочубей».
23. Давис.
24. Президент.
26. Доре.
27. Регистрант.
28. Рубцов.
29. Истребитель.
32. Лестри.
33. Маслина.
34. Грамы.

По вертикали:

1. Фигурист.
2. Рева.
3. Баскетбол.
4. Атом.
5. Старшина.
6. Юталандия.
8. Верхола.
10. Соколовский.
11. Философия.
13. Аккордеон.
14. Спандекст.
20. Интервал.
21. Гильберта.
22. Брусника.
24. Петиско.
25. Тобольск.
30. Ринг.
31. Тамм.

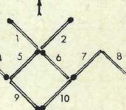

1. Передвиньте звездочки на ближайšie свободные поля так, чтобы в каждом горизонтальном и вертикальном ряду залась по три различные фигуры. Фигуры можно передвигать по прямой линии и наискосок.

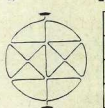
Из десяти спичек сложите фигуру, похожую на паука. Передвиньте три спички так, чтобы паук «вздохнул» в обратном направлении.

2.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧ «СМЕНЫ» № 19

1. 2. 3.

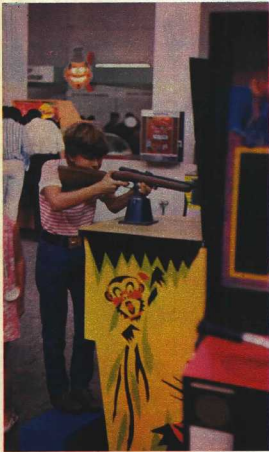
1	7	2	8
4	6	3	5
7	1	8	2
6	4	5	3

ПАРАД АТТРАКЦИОНОВ

их фантазии простор, тут она крепляется и развивается чудесами современной техники. А взрослые! Но если вы покупаете в подарок младшему брату или сыну набор игрушечных солдатиков, разве не подмывает вас самого выстроить в боевую цепь это войско и с криком «лю-паф» двинуть вперед! Разве не перечитываете вы снова и снова с прежним увлечением «Трех мушкетеров»!

В каждом из нас, взрослых, живет ребенок, поэтому и тянет нас ко всечелеским качелям-каруселям.

Праздник в московских парках продолжался три недели. Правда, мы не расстаеться: самые интересные аттракционы, повторю, куплены и останутся в нашей стране. И все же главное, может быть, не в этом. Может быть, выставка даст толчок воображению, изобретательности нашей собственной, отечественной индустрии развлечений. В году много суббот и воскресений, а стране много парков культуры. А на то и парк, чтобы детям — порезвиться, а взрослым — совершить путешествие в собственное детство.

...МЕЛКАЮТ, ВЗЛЕГАЮТ, ПАДАЮТ. СКРЕЩИВАЮТСЯ И СТАЛКНУВАЮТСЯ ВЕСЕЛЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ВЕСЕЛЫЕ ОГНИ ИЛЛЮМИНАЦИИ В ЭТОМ ЦАРСТВЕ РАЗВЛЕЧЕНИЙ. МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА «АТТРАКЦИОН-71» — ПАРАД АТТРАКЦИОНОВ.